

они должны взять в свои руки все, что касается жизни православного человека, начиная с решения продовольственного дела и кончая самыми высшими запросами духа...

В Англии «приход» — громадная общественная сила. В России он может стать силой первенствующей. Сейчас политической жизнью руководят кучки людей только потому, что они организованы, и масса православного населения вынуждена безмолвно идти за ними. Приходы, объединившиеся политически, положат этому конец... Высший церковный орган должен объединить все приходские союзы в одно целое...

И вот тогда то будет конкретная возможность осуществить нормальное взаимоотношение Церкви и государственной власти. У церкви будет орган, объединяющий всю

общественную жизнь православного населения в одно целое. А потому будет возможность не только словом одобрять то или иное христианское стремление власти, но и активно его поддерживать. И, наоборот, каждый ошибочный, антихристианский акт может не только не получить церковного одобрения, но и не получить действенной поддержки.

Будет переброшен мост между нравственной силой церкви и политической силой государства. И церковь получит ту высшую руководящую роль и в устройстве внешней жизни, какая принадлежит ей по праву в христианском государстве, и сделает она это, не унижаясь пред властью и не захватывая власть.

Свящ. Валентин Свенцицкий.

Церковные ведомости, Таганрог, № 4, 1919 г., с. 12-14.

А.В. Ганин ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЕСТВО И ЦЕРКОВЬ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1917-1922 ГГ.

Гражданская война привела к расколу общества в отношении к религии, причем если красные однозначно позиционировали себя как антирелигиозная сила, то белые не выступили в качестве защитников веры, поскольку, как выясняется, отношение к религии в их рядах было весьма неоднозначным. Особенно ярко эти проблемы видны на примере религиозного фактора в жизни многоконфессионального оренбургского казачества. Вопрос о роли церкви в истории оренбургского казачества периода Гражданской войны до сих пор рассматривался лишь фрагментарно, как правило, в контексте всего уральского или сибирского региона и, в основном, не на основе архивных материалов.¹ В советское время роль церкви в событиях русской Смуты изображалась сравнительно однообразно, в крайне негативном, подчас гротескном, виде.² Отдельные авторы, публиковавшиеся в постсоветский период, также не смогли непредвзято подойти к теме, чрезмерно идеализируют все, что связано с церковью и крайне субъективно изображают религиозную политику большевиков и их противников (одним из наиболее ярких показателей необъективности является вопрос о количестве священнослужителей, репрессированных в годы Гражданской войны). Участие же военного духовенства в оренбургских формированиях эпохи Гражданской войны за небольшим исключением практически не привлекало внимание исследователей.³

Церковь играла важную роль в жизни оренбургского казачества и оказала определенное влияние на борьбу казаков

с большевиками. В этно-конфессиональном отношении население Оренбургского казачьего войска не было единым. По данным 1902 г. доминировало русское население (87,6%), остальные этносы (мордва, башкиры, калмыки), за исключением татар (6,6%) и крещеных татар — нагайбаков (2,9%), были представлены достаточно слабо (суммарно 2,9%). В конфессиональном отношении по данным на 1902 г. православные составляли 88%, мусульмане — 7,4%, старообрядцы — 4,6%.⁴ К православным относились русские, нагайбаки, мордва и калмыки, к мусульманам — татары и башкиры. При этом среднестатистическая конфессиональная однородность отнюдь не означала полного доминирования православной веры во всех населенных пунктах войска. К примеру, 94,5% жителей станицы Сакмарской придерживались старообрядчества, 20-30% старообрядцев было в станицах Коельской, Челябинской и Рассыпной. 45% жителей Ильинской станицы, 43,5% жителей Татищевской станицы, 37% жителей Пречистенской станицы были мусульманами. Несмотря на поликонфессиональный состав войска, оренбургские казаки отличались веротерпимостью.

Оренбургское казачество дало Русской Православной церкви несколько выдающихся духовных деятелей. До 1917 г. один из них получил значительную известность. Речь идет об оренбургском казачьем офицере, полковнике П.И. Плеханкове (Плиханкове) (05.07.1845-01.04.1913). Он служил в Войсковом штабе Оренбургского казачьего войска и в штабе Казанского военного округа, в

1891 г. был принят в число послушников Оптиной пустыни, а позднее стал игуменом и одним из почитаемых оптинских старцев под именем Варсонофий. Летом 1996 г. он был прославлен Русской православной церковью в лике местночтимых святых как преподобный старец.⁵

В начале XX века религиозный фактор уже не играл определяющей роли в обществе и в сознании людей, интерес к религии стремительно падал, очень часто подлинная вера подменялась среди населения лишь формальным присутствием на богослужениях. Интеллигенция уже давно отошла от церкви. В простом населении росло недовольство поборами со стороны церковнослужителей, обогащением и политизацией церкви, невысоким уровнем культуры священников.⁶ Святейший Синод в целом поддержал февральскую революцию, свержение монархии и Временное правительство.

С приходом к власти большевиков начались гонения на церковь и священнослужителей. Уже 31 октября 1917 г. был убит первый священник — Иоанн (Кочуров), впоследствии священномученик. По некоторым подсчетам, в годы Гражданской войны погибло около 10 000 священнослужителей и мирян, защищавших церковь.⁷ Не исключено, что это — завышенные данные, тогда как по более взвешенным оценкам в 1918-1919 гг. было казнено 4000 священнослужителей.⁸ Гражданская война, в ходе которой красные активно выступали как антирелигиозная сила, обострила церковный вопрос. 23 января 1918 г. был издан декрет

СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Во многом в соответствии с этим декретом Россия живет и по сей день. В тот период эта мера была по-настоящему революционной, но момент для ее проведения в жизнь назрел, российское общество устало от всестороннего давления церкви. Впрочем, не все было однозначно в этом вопросе. В частности, Ленин после переезда советского правительства в Москву разрешил проведение в Кремле в последний раз пасхальной службы.⁹

На Урале, как и в других регионах, красные проводили беспощадный террор против целых сословий, среди которых, прежде всего, были казачество и духовенство. Только в 1918 г. в Оренбургской епархии было убито 15 священников, пострадало в общей сложности не менее 60.¹⁰ В станице Еткульской отряд мичмана С.Д. Павлова расстрелял станичного атамана и священника за то, что те созывали казаков набатом.¹¹ В Оренбургской губернии красными был расстрелян протоиерей Михаил Прибытков (обстоятельства и дата казни неизвестны).¹² В Верхнеуральске в мае 1918 г. шли расстрелы офицеров, казаков, простых людей. По имеющимся сведениям, казненно было около ста человек (в том числе не успевший покинуть город член Войскового правительства И.С. Белобородов, городской голова Верхнеуральска П.С. Полосин, войсковой старшина П.Ф. Воротовов, 21 мая был расстрелян священник Никольской церкви (по другим данным, Николаевского собора) протоиерей М.Д. Громогласов и священник села Янгиз Деревянкин, а также еще 15 человек¹³), что для захолустного городка было немало.¹⁴ В связи с верхнеуральским террором печальную известность приобрел прибывший в город уфимский большевик М.С. Кадомцев.

Хотя террор напугал часть духовенства, сделав ее пассивным сторонним наблюдателем происходящего, все же наличие общего врага, безусловно, сближало казаков и церковь. Поэтому в годы Гражданской войны казачья администрация поддерживала церковную, и наоборот. Уже в ноябре 1917 г. Оренбургская духовная консистория высказалась за поддержку курса Войскового правительства Оренбургского казачьего войска, в декабре благодарность Дутову выразил протоиерей войскового собора И. Чернавский.¹⁵ На сторону антибольшевистских сил перешла наиболее активная часть церковнослужителей.

Верхнеуральский священник Громогласов собирал пожертвования в пользу казаков.¹⁶ Епископ Уфимский и Мензелинский Андрей (князь А.А. Ухтомский) в начале 1918 г. в своих «Письмах к верующим большевикам» призывал к покаянию и называл оренбургского атамана А.И. Дутова величайшим героем и спасителем отечества наравне с Мининым, Пожарским и Кутузовым и писал о готовности благословить всех противников большевизма.¹⁷ Многие священники бежали к белым из Советской России, спасаясь от преследований.

На фоне происходившей антирелигиозной компании патриарх Тихон на Поместном соборе 19 января 1918 г. предал гонителей церкви анафеме,¹⁸ а позднее, в конце 1918 г. сумел передать адмиралу А.В. Колчаку свое благословение.¹⁹ Подобные шаги высшего церковного иерарха способствовали притоку тех, для кого религия еще что-то значила, в белый лагерь. Именно в колчаковском лагере религиозные лозунги нашли наиболее активное применение в сравнении с другими белыми фронтами. Впрочем, позиция патриарха Тихона была двойственной. К примеру, в послании от 8 октября 1919 г. он, наоборот, писал о необходимости духовенству подчиниться требованиям Советской власти и о неблагоприятии иноземного вмешательства в русские дела, т.е. интервенции.²⁰

Первое время после захвата Оренбурга красными в начале 1918 г. в городе важную роль играл мусульманский военный комитет, однако в ближайшие дни красные взяли управление городом под свой контроль в полном объеме, разоружив 26 января мусульманскую дружину.²¹ Начались обыски, грабежи, изъятия церковных и иных ценностей, аресты и расстрелы. Три дня красные грабили станицу Оренбургскую. В монастырской церкви Оренбурга 7 красногвардейцев сбрасывали иконы, но были схвачены и арестованы возмущенными местными жителями.²² 16 мая 1918 г. было реквизировано здание Оренбургского епархиального училища, а 28 мая — духовной семинарии.²³ Новой властью был задержан епископ Мефодий (в миру — Маврикий Львович Герасимов), которого красные подозревали в сочувствии атаману Дутову. Епископа отвели на вокзал и допрашивали в вагоне, обвиняя в отпевании погибших в боях под Оренбургом дутовцев. Мефодий заявил, что отпевал жертв Гражданской войны вообще и выступает против

братоубийства. Эти доводы подействовали, и он оказался на свободе.²⁴

Епископ Мефодий родился 22 февраля 1856 г. в семье священника, руководил Оренбургской и Тургайской епархией во время Первой мировой войны с 30 июля 1914 г. Это была своеобразная личность. По некоторым данным, в молодости за пьянство он был исключен из духовной академии, но в 1882 г. все же ее окончил.²⁵ По характеристике оренбургского Наказного атамана М.С. Тюлина, он «плохо говорил, плохо слушал и дурно воспитан».²⁶ По данным Тюлина, от имени епископа брались взятки, на церковные деньги отделялись квартиры. Мефодий принял деятельное участие в работе Поместного собора.²⁷ В период Гражданской войны, исходя из задач выживания в сложных условиях часто менявшейся власти, он занял двойственную позицию. С одной стороны, сумел наладить взаимоотношения с большевиками в занятом красными Оренбурге и даже получил повышение, хотя и не отметился какими-то словами поддержки в адрес красных, а, с другой, поддержал белых, когда красные покинули город. 12 апреля 1918 г. при красных Мефодий был возведен в сан архиепископа. Позднее он приветствовал возвращение в Оренбург атамана Дутова, отправил свое благословение адмиралу А.В. Колчаку. До сих пор считалось, что в начале 1919 г. он выехал за границу (в Китай).²⁸ Однако это не так. Сохранилась фотография, свидетельствующая о том, что Мефодий лично приветствовал Колчака во время его встречи с Дутовым в феврале 1919 г. Кроме того, есть данные о нахождении Мефодия на своем посту в сентябре-октябре 1919 г.²⁹ В ноябре 1919 г. он также находился в пределах России, в Чите, в прежней должности.³⁰ Таким образом, можно предположить, что из страны он эмигрировал с основной массой русских беженцев не ранее конца 1919 — начала 1920 гг., но никак не в начале 1919 г., когда это не было вызвано обстановкой.

В период Тургайского похода весной 1918 г., когда дутовцам пришлось покинуть территорию войска, несмотря на тяготы походной жизни, партизаны Дутова старались не падать духом, а, когда в одном из киргизских аулов отряд встречал Пасху, по личному распоряжению атамана всем желающим было решено собраться и пропеть праздничный тропарь «Христос Воскресе».

Казаков-повстанцев, выступивших против большевиков на территории

войска в 1918 г., поддерживали благочинный станицы Краснохолмской Иван Баженов и священник Макаров.³¹ По освобождению силами чехословаков и казаков Екатеринбург в городе при участии епископа екатеринбургского Григория (Яцковского) 28 июля 1918 г. состоялся крестный ход от крестовой архиерейской церкви до Богоявленского кафедрального собора, а 4 августа прошел парад освободителей с богослужением.

Будущий академик, директор Эрмитажа и известный историк Б.Б. Пиотровский вспоминал о возвращении Дутова в Оренбург летом 1918 г.: «Помню и торжественную встречу атамана Дутова, во время которой мы хором под управлением дьякона пели кантату в честь атамана. Вспоминаю первые слова: «Слава вышнему зиждителю, мира знания³² благого! Слава!». В торжественной процессии Дутов шел спешившись с фуражкой в руке, а его конь был украшен цветами».³³

Многонациональный и многоконфессиональный регион, равно как и такое же по составу казачье войско, которые возглавил Дутов в столь беспокойное время, требовали реализации продуманной и осторожной политики в профессиональном вопросе, и, в отличие от многих белых генералов, понимание этой проблемы у Дутова, как у человека с детства знакомого с местными реалиями, безусловно, было. Сам Александр Ильич был верующим православным человеком.

В своем письме Верховному правителю адмиралу А.В. Колчаку от 24 апреля 1919 г. Дутов писал: «во многих селах нет священников, хоронят без церкви, крестят без обряда и т.д. все это в деревнях приучает к безверию и распущенности. Религия — основа Руси, без нее будет страшно. Вот куда должна быть направлена политика Мин[истерства] вну[тренних] дел... Я очень и очень озабочен деревней и потому так и пишу...».³⁴ В то же время церковные вопросы не стали предметом специального рассмотрения Войсковых Кругов Оренбургского казачьего войска в период Гражданской войны, т.е. местное самоуправление не считало эти проблемы значимыми и, в основном, занималось насущными военно-политическими или хозяйственными вопросами.

Дутов в 1919 г. отмечал, что «...одна из твердых основ всякого государства — это религия, семья и школа. Последние десятки лет было сделано многое,

к сожалению, чтобы убить в народе религиозное чувство. Не стоит, конечно, говорить о большевиках, которые православную русскую веру отдали на помятие...».³⁵

В одной из листовок, выпущенных информационным отделом Области войска Оренбургского в конце 1918 г., говорилось: «Мы боремся за свободу веры, - чтобы каторжанин-коммунист не издевался ни над Евангелием, ни над Кораном, ни над священником, ни над муллой».³⁶

Особое место в условиях Гражданской войны занимал вопрос организации военного духовенства, являвшийся составной частью строительства вооруженных сил. По данным на конец 1916 г. в русской армии и флоте насчитывалось 5000 священников.³⁷ Приказом Народного комиссара по военным делам № 39 от 16 января 1918 г. был ликвидирован институт военного и морского духовенства. Однако начавшаяся Гражданская война поставила перед белым командованием вопрос о восстановлении этого института. Среди задач, стоявших перед военным духовенством, было, прежде всего, удовлетворение религиозных нужд солдат и офицеров, совершение обрядов и служб, а также ведение пропаганды и культурно-просветительской работы.³⁸ В этом отношении функции армейских священников у белых в какой-то мере перекликались с функциями военных комиссаров у красных. Между прочим, во время богослужений с апреля 1919 г. колчаковские священники должны были упоминать имя Верховного правителя адмирала А.В. Колчака.³⁹

С 20 июля 1918 г. должность священника-проповедника была введена в Народной армии Комитета членов Всероссийского Учредительного Собрания, был создан целый отдел военного духовенства.⁴⁰ Должность главного священника Сибирской армии в 1918-19 гг. занимал Александр Русецкий,⁴¹ позднее он стал священником белого Восточного фронта. Приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего № 56 от 28 декабря 1918 г. в вооруженных силах Колчака была восстановлена должность главного священника армии и флота, которым стал протоиерей Александр Алексеевич Касаткин (участник русско-японской и Первой мировой войн) и соответствующее управление (позднее — Управление главного священника Восточного фронта), а также должности священников фронтов,

армий, госпиталей и лазаретов.⁴² К сожалению, нет данных о том, было ли подчинено Касаткину военное духовенство других белых фронтов. В документах главного священника армии и флота данных об этом нет. При этом совершенно очевидно, что если даже такое подчинение имело место, то оно могло быть лишь формальным из-за дальности расстояний и разъединенного положения белых фронтов. В ноябре 1919 г. была введена должность епископа русской армии и флота, которым стал епископ Чебоксарский Борис (В. Шипулин).⁴³ Первоначальное разграничение полномочий между ним и А.А. Касаткиным неясно, но уже в декабре Касаткин вошел в его подчинение и в документах указывал себя помощником епископа или сотрудником управления епископа.⁴⁴ Наконец, 4 февраля 1920 г. управление епископа армии и флота было ликвидировано по распоряжению иркутского Политцентра от 21 января 1920 г.⁴⁵

При сдаче дел управления имелось в наличии свыше 2700 листов документов о личном составе колчаковского военного духовенства,⁴⁶ что косвенно свидетельствует о его довольно внушительной численности. Есть данные о том, что в войсках Колчака было до 2000 военных священников,⁴⁷ однако эту цифру некоторые исследователи ставят под сомнение.⁴⁸ Сохранились ли эти уникальные материалы до наших дней, - неизвестно.

Религия продолжала играть определенную роль и в среде рядового казачества. Занятые красными станицы традиционными средствами пытались продемонстрировать свою лояльность новой власти. Например, станица Павловская в начале 1919 г., несмотря на мороз, встречала приход красных хлебом-солью и колокольным звоном, жители, в том числе казаки-старики, стояли без шапок с иконами и хоругвями. Впрочем занимавшие станицу красные, среди которых было много мажар и русских атеистов, к подобному приему отнеслись с искренним презрением.⁴⁹

Казаки 9-го Оренбургского казачьего полка спасли от красных крест и Евангелие полковой церкви.⁵⁰ А штаб Оренбургского военного округа был вынужден издать в сентябре 1918 г. даже специальное распоряжение об обстреле при необходимости любых укрепленных узлов, не исключая и колоколен.⁵¹ По всей видимости, казаки-артиллеристы считали стрельбу по церковным

зданиям богохульством и не решались стрелять. Осенью 1918 г. многие станицы выступили в защиту православной церкви и за сохранение преподавания Закона Божия в школах.⁵²

Гражданская война и возникший экономический кризис вносили свои коррективы и в дела церкви. В частности, в Юго-Западной армии не было полковых священников (такая же ситуация была в оренбургских казачьих полках в годы Первой мировой войны), поскольку их установление потребовало бы расхода в 2 миллиона руб., на что у Дутова не было денег.⁵³ Однако из сохранившихся документов ясно, что в некоторых казачьих полках, действовавших в составе армейских соединений, священники все же появились,⁵⁴ как частная инициатива полкового командования.

О священниках Отдельной Оренбургской и Южной армий сохранились лишь скудные упоминания в немногочисленных документах. Так, отец Иоанн Сергиевский — благочинный 14-го Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона 2 мая 1919 г. был направлен в армию Дутова.⁵⁵ Летом 1919 г. скончался командированный в I Оренбургский казачий корпус священник Евфимий Иванович Ежов.⁵⁶ В 11-м Оренбургском казачьем полку, действовавшем вне армии Дутова, священником на август 1919 г. являлся Иоанн Ульянов.⁵⁷ Священником армии Дутова в 1918-1919 гг. был и Яков Петрович Андреев (12.10.1864-10.09.1937), попавший в плен к красным при отступлении в 1919 г.⁵⁸ После набега казаков на Оренбург 4 апреля 1918 г. он отпевал погибших красногвардейцев. Другой священник, Алексей Григорьевич Сазанов (30.03.1885-1937) при Дутове укрывал в своем доме красноармейцев — сыновей соседа, а в 1920 г. был арестован красными лишь за то, что на его службах присутствовали дутовские офицеры.⁵⁹

17 апреля 1919 г. командир наступавшего на Оренбург II Оренбургского казачьего корпуса Генштаба генерал-майор И.Г. Акулинин отдал оперативный приказ № 9 (б) о занятии Оренбурга к Светлой Заутрене — 23 часам 50 минутам 19 апреля и о сборе всех частей на пасхальную молитву вокруг войскового собора.⁶⁰ Таким образом, традиции и религиозные праздники продолжали сохранять свое значение. Религиозные лозунги нашли отражение и в символике армии Дутова. Так, на знамени 42-го Троицкого стрелкового полка, входившего в состав IV Оренбургского армейского

корпуса под командованием генерала А.С. Бакича, имелись надписи «За свободу России» и «С нами Бог».

16 февраля 1919 г. 3-м очередным Войсковым Кругом были внесены изменения во Временное положение о службе казаков области войска Оренбургского, по которому казаки, достигшие 20 лет, зачислялись на военную службу сроком на 2 года, в военное время допускался призыв всех боеспособных казаков с 18 лет. Разрешения на увольнение от службы в военное время давало Войсковое правительство. Далее следовал длинный список освобожденных от мобилизации, в который были включены в том числе священники, дьяконы, муллы и старообрядческие наставники.⁶¹

В отношении церкви, как и в других вопросах, Дутов отстаивал как можно более широкие полномочия Оренбурга. В частности, Оренбург в 1918 г. выступил против выделения Челябинского и Кустанайского викариатств в отдельную от Оренбургской епархию.⁶²

С религией самым тесным образом соприкасался национальный вопрос, тем более, что в дореволюционной России основополагающей была не национальная, а конфессиональная принадлежность человека. В августе 1918 г. был опубликован приказ управляющего военным ведомством Комуча о воспрещении печати сообщений, содержащих «возбуждение или призыв к активным действиям на почве национальной розни».⁶³ Оренбургский атаман и сам понимал это и пытался не допустить разжигания национальной розни и притеснения представителей каких бы то ни было национальностей на подведомственной ему территории. Более того, он активно привлекал к участию в антибольшевистском движении мусульманское население (киргизов (казахов), башкир, татар), выпускал обращения к мусульманам с призывом поддержать белых. «Киргизы и башкиры, - отмечал он в апреле 1919 г., — это элемент, безусловно, государственно настроенный».⁶⁴ Оренбургский атаман содействовал формированию и вооружению башкирских и киргизских частей, снабжал башкир оружием и деньгами,⁶⁵ а личный состав 1-го Башкирского полка в качестве отличительного знака имел на левом рукаве мусульманскую эмблему — синий щиток с белым полумесяцем.⁶⁶ Боевые качества национальных частей оценивались современниками достаточно высоко.

Показателем доверительного отношения Дутова к другим народам было

наличие у него личного киргизского конвоя, носившего особую форму — черкески, красные бешметы и меховые шапки с красным верхом.⁶⁷ Специальным приказом оренбургский атаман, угрожая военно-полевым судом, требовал от казаков прекращения реквизиций скота и инвентаря у киргизов и гражданского населения вообще.⁶⁸ Понимая важность религии в жизни населения, Дутов в своих приказах не забывал поздравить как православных, так и мусульман с их религиозными праздниками. Во время мусульманских праздников предписывалось освобождать солдат и казаков-мусульман от служебных обязанностей и улучшать им пищу.⁶⁹

Дутов не препятствовал работе на подконтрольной ему территории башкирского и киргизского правительств,⁷⁰ был открыт для сотрудничества во имя победы над большевизмом с любыми силами безотносительно национальности и вероисповедания. В 1917-1918 гг. он поддерживал автономию Башкурдистана. 15 ноября 1917 г. атаман сообщил башкирским лидерам А.-З. Валидову и Ш. Манатову: «Мы, казачие, так же будем управлять сами собой; конечно, и вы имеете полное право на такое управление».⁷¹ В тот же день Центральным Башкирским шура (советом) была провозглашена автономия Башкурдистана. В начале декабря 1917 г. в Оренбурге прошел Общекиргизский съезд. Тургайский уполномоченный С.К. Кадирбаев телеграфировал в адрес Войскового Круга в сентябре 1918 г.: «шлю горячий привет дорогим соседям-казакам, от души желаю успеха во всех делах. Смею уверить, что киргизское население, помогавшее до сих пор материально, в скором времени активно выступит заодно с казачеством против бандитов-большевиков и их повелителей — немцев».⁷² Таким образом, руководители башкир и киргизов долгое время работали рука об руку с Дутовым. Впоследствии в феврале 1919 г. значительная часть башкирских войск во главе с А.-З. Валидовым перешла к красным, чему предшествовали длительные переговоры и тайное сотрудничество башкирской верхушки с большевиками. Вместе с тем некоторая часть башкир продолжала добросовестно служить в рядах белых.

В начале мая 1919 г. Дутовым было составлено обращение к киргизскому народу, в котором писал: «Сыны степей! ... Вам нужны мечети, где Вы могли поблагодарить или попросить Аллаха о

Ваших нуждах и делах. Вас нужно убедить от разбойников Вас грабящих. Вам нужен свой суд по обычаю предков и по Вашему Закону. Вам нужен хлеб и мука. Все это мне известно, и о Вас болит моя душа... Голос народа — голос Аллаха, и он сам укажет путь Вашей помощи. Красивые слова — их лучше дело. Я жду от Вас этого дела и уверен, что Вы скажете дело...».⁷³

Не был присущ Дутову и антисемитизм, несмотря на значительную роль, которую играли евреи в рядах большевиков. Уже 22 ноября 1917 г. к Дутову явилась еврейская делегация, обеспокоенная возможностью погрома. Атаман заявил делегатам, что «погромное настроение, особенно по отношению к евреям, может повести к нежелательным последствиям».⁷⁴

По причине активного участия евреев в большевистском движении антисемитские настроения были чрезвычайно популярны в белом лагере. На 2-м чрезвычайном Войсковом Круге в Верхнеуральске депутат Русяев отметил исключительную роль евреев у большевиков и их стремление захватить власть.⁷⁵ Убежденным антисемитом был один из крупных военачальников армии Дутова — генерал А.С. Бакич.

Дутову, по всей видимости, немалых усилий стоило недопущение конфликтов на почве национальной и конфессиональной розни. В связи с беспорядком, характерным для белого тыла, атаману приходилось разбираться с произволом местных властей, в том числе и в отношении евреев. В частности, в такого рода злоупотреблениях был обвинен начальник гарнизона города Кустаная Тургайской области штабс-капитан Коваленко. Кустанайский уезд входил в Оренбургский военный округ и Оренбургский край и, таким образом, подчинялся Дутову, являясь источником постоянной головной боли оренбургского атамана как в связи с разного рода злоупотреблениями местной администрации, так и по причине пробольшевистских настроений местного населения. Коваленко отличился изданием приказа № 22 от 25 февраля 1919 г. по гарнизону города Кустаная, в котором указал, что «ввиду крайне осложнившегося квартирного вопроса признаю необходимым в 7-ми дневный срок выселить из города в уезд за 100 верст от железной дороги всех евреев и военнообязанных без различия национальностей... Выселению не подлежат военнообязанные и

евреи-врачи, фельдшера, служащие на электрической станции и служащие аптеки и аптекарских магазинов».⁷⁶

Краснеть за распоряжение незадачливого обер-офицера пришлось Дутову, который телеграфировал в Омск 14 марта 1919 г.: «Коваленко мною не назначался, постановления о выселении евреев Кустаная я не делал, Коваленко будет смещен [с] должности, приказ передан [по] телеграфу. По должности нач[альника] края я никаких распоряжений не отдавал, ибо еще к исполнению только приступаю».⁷⁷

Нельзя не отметить и то, что сами еврейские общины Южного Урала старались содействовать Дутову. В частности, как ни парадоксально, но наиболее значительное пожертвование на восстановление сожженных большевиками в 1918 г. станиц Оренбургского казачьего войска в размере 100 000 руб. было сделано оренбургской еврейской общиной.⁷⁸ Товарищем городского головы Оренбурга при Дутове в 1918 г. был еврей по национальности Аронсон.⁷⁹ Небезынтересно и то, что оренбургские казачьи части обслуживали в значительной степени врачи-евреи. Думается, это было едва ли возможно в том случае, если бы командующий армией был антисемитом. 1 декабря 1918 г. в 1-й женской гимназии Оренбурга состоялся вечер еврейской музыки и народных песен, организованный еврейским рабочим клубом, действовавшим в городе с конца года.⁸⁰

На Южном Урале пропагандистскими органами белых не выпускались плакаты и листовки антисемитского содержания. Однако нужно отметить, что «еврейскую карту» активно разыгрывала пропаганда белых в Сибири, выпустившая множество антибольшевистских плакатов антисемитской направленности. Не исключено, что подобный материал, обращенный к низменным чувствам населения, попадал и на Южный Урал.

Вовлекая в антибольшевистское движение представителей национальных меньшинств, Дутов исходил из сугубо государственнической точки зрения, стараясь привлечь в ряды своих сторонников максимально широкие слои населения. Все вышеперечисленное позволяет сделать вывод о достаточно продуманной и взвешенной политике Дутова в этно-конфессиональном вопросе.

В одном из воззваний к казакам Дутов писал: «Теперь та же война и ты,

войско Оренбургское, опять стоишь авангардом, защищая Русь великую и веру православную. Я, стоящий во главе всего казачества Российского, зову Вас вновь, родные сыны мои и деды седые, на стражу и брань, дабы верен остался заветам предков своих славный борец за честь и родину — казак Оренбургский. Вечная слава павшим и громкая слава живым борцам-казакам. Да Хранит Вас Господь и Мать Пресвятая Богородица и да будет победа Вам, сыны мои родные. Походный Атаман всех казачьих войск и Войсковой Атаман Оренбургского казачьего войска, Генерального Штаба, Генерал-Лейтенант Дутов».⁸¹

В омский период своей деятельности в 1919 г. Дутов сдружился с епископом Нестором Камчатским (Н.А. Анисимовым). Поезд Дутова в то время состоял из семи вагонов: его салона, столовой, вагона начальника штаба, вагона для чинов штаба и епископа Камчатского Нестора, вагона канцелярии и чинов штаба, сборного вагона и вагона для караула.⁸² Епископ Нестор сопровождал Дутова в его поездках. 28 сентября 1919 г. Дутов даже внес на рассмотрение казачьей конференции предложение именовать Нестора «Епископом всех казачьих войск», поскольку это «вызывается самой жизнью».⁸³

Процессы разложения, охватившие армию в 1917 г., не миновали и духовенство, которое в годы Гражданской войны обвиняли в нарушении церковных канон, пьянстве и даже мародерстве.⁸⁴ Благочинный IV Оренбургского армейского корпуса генерала Бакича, входившего в тот период в состав Южной и Отдельной Оренбургской армий, протоиерей Стефан Каверзнев направил в Омск 1 октября 1919 г. донесение о поступках священника 6-го Сызранского стрелкового полка Василия Яременко, который был замечен в самовольных отлучках, в покупке спирта, якобы, для нужд полка и в распространении панических слухов о том, что командир корпуса скрылся, а штаб разбежался,⁸⁵ позднее в период наступления красных Яременко самовольно оставил полк и перешел к противнику.⁸⁶ Такое же донесение 27 сентября 1919 г. направил и командир полка. За свой проступок Яременко был представлен к исключению из списка военных священников и преданию церковному суду. Однако, ко всеобщему удивлению выяснилось, что таковой в списках военного духовенства не значился, не был ни назначен, ни утверждён высшей военно-

духовной властью⁸⁷ и, видимо, являлся самозванцем.

Во избежание разложения и паники корпусной благочинный С. Каверзнев разослал 1 сентября 1919 г. полковым священникам следующее письмо: «напоминаю военному духовенству его священную обязанность всемерно воодушевлять и ободрять воинов, с ревностю убеждать их твердо стоять на фронте, не поддаваясь унынию и малодушию, свойственным низким и бесчестным людям, а, в особенности, отвращаться панических слухов и всяких кривотолков, распускаемых шпионами и провокаторами, всегда памятуя о правоте нашего дела и твердо веруя, что рано или поздно правда воскреснет, как воскрес Христос — Солнце Правды».⁸⁸

На место Яременко был допущен священник из беженцев Михаил Попов. По всей видимости, такое назначение не являлось исключительным. Также из беженцев за неявкой отца Куликова был назначен священник 7-го Хвалынского стрелкового полка Петр Минеев.⁸⁹ Это и другие назначения в корпусе Бакича были осуществлены в августе — сентябре 1919 г. Священником 5-го Сызранского стрелкового полка и дивизионным благочинным был Ф.М. Георгиевский, о жизненном пути которого будет сказано ниже. Тогда же в 8-й Вольский стрелковый полк прибыл священник Константин Шуреев, а в перевязочный отряд 2-й Сызранской стрелковой дивизии — священник Рафаил Дубровин, назначенный распоряжением Главного священника армии и флота. Последний проявил особенное усердие при отступлении армии, напутствуя больных и раненых.⁹⁰ Кроме того, в связи с присоединением к Сызранской дивизии 5-го Оренбургского казачьего пластунского и 33-го Оренбургского казачьего полков, в которых не было священников, на их должности были допущены беженцы-священники Александр Успенский и Андрей Тиханов соответственно.⁹¹ Таким образом, должности полковых священников вводились в казачьих полках, действовавших в составе армейских соединений. Священниками в них становились не только прежние военные клирики, но и те, кто в результате Гражданской войны, был вынужден бежать из родных мест и остался без прихода или же добровольцы.

В конце сентября 1919 г. к корпусу Бакича присоединились Атаманский полк 2-го военного округа Оренбургского казачьего войска, 1-й, 22-й и 35-

й Оренбургские казачьи полки. По просьбе командиров Атаманского и 35-го Оренбургского полков в них были допущены священники протоиерей верхнеуральского собора Вячеслав Аманцкий и священник Федор Альметев. В то же время священник 4-го Оренбургского казачьего полка, входившего в состав корпуса, Александр Кандарицкий 5 августа 1919 г. по болезни остался в селе Ижбердино, которое затем было занято красными. Были и другие происшествия, подобные случаю с Яременко. Так, священник 2-го Сызранского кавалерийского полка Сергей Иванов по случаю расформирования полка из-за мятежа его командира ротмистра князя Н. Эривова отбыл неизвестно куда. Как и в случае с Яременко, было возбуждено ходатайство об исключении Кандарицкого и Иванова из числа военных священников.⁹² Кстати, после провала мятежа его главари пожелали перед расстрелом принять церковное напутствие.⁹³

Трудно охарактеризовать состояние религиозного сознания периода Гражданской войны точнее, чем его сумел описать митрополит Вениамин (Федченков): «Авторитет Церкви вообще был слабый. Необходимо сознаться в этом. Голос наш дальше храмовых проповедей не слышался. Да и все движение добровольцев было, как говорилось, патриотическим, а не религиозным. Церковь, архиереи, попы, службы, молебны, — все это для белых было лишь частью прошлой истории России, прошлого старого быта, неизжитой традиции и знаком антибольшевизма, протестом против безбожного интернационализма. А горения не было ни в мирянах, ни даже в нас, духовных. Мы не вели историю, а плелись за ней...».⁹⁴

На фоне таких явлений неизбежным было появление сторонников борьбы за чистоту церкви и религиозной идеи, за более активное вмешательство церкви в текущие события. Активизировалась общественная деятельность верующих, оформившаяся в церковное движение, имевшее даже свои организационные структуры (братства, союзы). Для них очевидной была необходимость борьбы с поправшими религию большевиками, выдвижение для победы в этой борьбе лозунгов священной войны против угнетателей веры и, как следствие, сакрализация военной службы и формирование особых воинских частей, укомплектованных добровольцами по религиозному признаку.

Наставляя военных священников, А.А. Касаткин летом 1919 г. предписывал не выделять братоубийственный характер войны, а акцентировать внимание на том, что это священная война и крестовый поход «против тех, кто осквернил наши святыни, кто губит русский народ, кто вырывает святое святых из сердца русского человека — веру в Бога и всякое понятие о чести и нравственности, кто превращает русского человека в зверя».⁹⁵ Еще одним козырем, активно использовавшимся в пропаганде, было нерусское происхождение многих большевистских лидеров. При этом церковные организации были тесно связаны с правыми монархическими кругами, что отталкивало от них многих руководителей Белого движения, придерживавшихся либерального курса. Последние, по мнению митрополита Вениамина Федченкова, не ставили своей задачей защиту веры.⁹⁶ И все же религиозные воинские формирования в виде дружин Св. Креста (служивших в них называли «крестоносцами») и Зеленого знамени были созданы. Способствовало этому и вступление 20 июня 1919 г. в должность Главнокомандующего армиями Восточного фронта Генерального штаба генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса, глубоко верующего человека и монархиста по своим убеждениям. С 28 августа 1919 г. религиозные формирования были подчинены начальнику всех добровольческих формирований генерал-лейтенанту В.В. Голицыну, но на практике эта идея не получила достаточного количества сторонников. Активным участником создания таких отрядов был оренбургский войсковой старшина Г.В. Енборисов, первоначально пошедший на службу в одну из дружин рядовым добровольцем, а затем назначенный начальником агитационно-вербовочных пунктов в Павлодаре и Семипалатинске.

При отступлении белых с Урала многие священнослужители уходили вместе с ними, опасаясь преследований со стороны красных. Священники продолжали вести непрерывную работу и в отступавшей армии. Необходимый инвентарь для этого у них имелся. Вместе с армией они везли ризы, книги, дароносные кресты, не хватало быстро расходовавшихся материалов: церковного вина, ладана, свечей.⁹⁷ Не было литературы и даже газет для раздачи бойцам. С прекращением связи со штабом Южной армии перестала действовать почта, и за август-сентябрь 1919 г. части IV

Оренбургского армейского корпуса не получили ни одной газеты или листка.⁹⁸ Корпусной благочинный протоиерей С. Каверзнев для исправления ситуации разослал по полкам листки «Великий обман», выпущенные тиражом 3000 экземпляров, во 2-й Сызранской дивизии распространялась брошюра Ф.М. Георгиевского «Пора опомниться», выпущенная таким же тиражом.⁹⁹ Кроме того, в ожидании пополнений Каверзневым был составлен для раздачи солдатам листок о важности присяги, получивший одобрение начальника штаба корпуса и подготовленный к печати в корпусной типографии тиражом в несколько тысяч экземпляров. Также к печати готовился еще один листок Каверзнева «Вред коммунизма».¹⁰⁰

С июля по октябрь 1919 г. в корпус не поступало сведений и распоряжений от священника Южной армии. В результате корпусному благочинному пришлось связываться непосредственно с Главным священником армии и флота. Именно по этой причине составленный им 23 октября 1919 г. рапорт за август-сентябрь сохранился до наших дней, тогда как документы военного духовенства Отдельной Оренбургской и Южной армии не уцелели.

Богослужения, по свидетельству корпусного благочинного, совершались по мере возможности в воскресные и праздничные дни. Там, где войска задерживались на неделю и более, как, например, в станицах Кизильской, Елизаветинской и Федосеевской, совершались литургии в сельских храмах с участием местного духовенства.¹⁰¹ Ф.М. Георгиевский по случаю праздника Воздвижения Честного Креста Господня вместе с двумя полковыми священниками совершил литургию на открытом месте в походном храме в поселке Федосеевском. Судя по описанию, картина была впечатляющей. Как писал очевидец, «участвовали в Богомолении почти все части Дивизии (2-й Сызранской стрелковой — А.Г.); молебен с проповедью и многолетием закончился военным парадом, каковое торжество произвело ободряющее впечатление на войска, утомившиеся в период отступления».¹⁰²

С конца сентября 1919 г., с началом эпидемии тифа и других болезней, забот у священников прибавилось. Они не только вели проповеди и богослужения, но также напутствовали больных и раненых, участвовали в погребальных церемониях. В степной местности трудно было достать дерево для изготовления

гробов, поэтому умерших солдат хоронили без гробов в братских могилах.¹⁰³ По мере усиления эпидемии и наступления холодов увеличивалось число умерших, и осложнялись задачи духовенства. К работе стали привлекать и местных священников. Из них особенно отличился священник поселка Чулаксайского Кустанайского уезда, в котором длительное время квартировал корпус Бакича, Тимофей Пигарев. По представлению корпусного благочинного сам генерал Бакич направил ходатайство на имя архиепископа Оренбургского и Тургайского Мефодия (Герасимова) о награждении Пигарева скуфьей.¹⁰⁴ Однако позднее, в период Голодного похода в конце 1919 г. (и аналогичного по тяготам отступления оренбургских и уральских казаков в Восточном Прикаспии¹⁰⁵), было уже не до погребальных церемоний, умерших не успевали даже хоронить, а просто бросали в степи или оставляли для захоронения местным жителям. Иногда не хоронили и из-за отсутствия во время свирепствовавшего тифа здоровых мужчин, физически годных для того, чтобы вырыть могилу.

Определенную духовную помощь получали казаки, действовавшие и вне Оренбургской армии. Так, священник 3-й армии протоиерей Л. Астахов с владыкой Николаем (Ипатовым), епископом Златоустовским (викарием Уфимской епархии) в ходе поездки по воинским частям вечером 8 октября 1919 г. побывал в расположении 3-й Оренбургской казачьей бригады в Носково, владыка беседовал с казаками 6-го Исетско-Ставропольского полка Оренбургского войска, а на следующий день отслужил молебен для чинов 3 и 6-го казачьих полков, при чем в молебне наряду с другими священнослужителями участвовал священник 6-го полка отец Корягин.¹⁰⁶

5 октября 1919 г. произошло знаковое для взаимоотношений оренбургских казаков и церкви событие — главным священником Оренбургской армии стал игумен Иона (В.И. Покровский)¹⁰⁷. Иона являлся достаточно молодым и энергичным человеком. Ему было тогда 31 год. Еще в Казани в 1918 г. Иону арестовали большевики по обвинению в связи с Дутовым, представитель которого жил у него на квартире (в своем докладе митрополиту Антонию Иона явно ошибался, датируя это событие маем 1917 г.).¹⁰⁸ По своим убеждениям Иона, скорее всего, являлся монархистом, поскольку даже в 1918 г. занимался

распространением листовок о значении самодержавия для России. Кроме того, Иона выступил одним из идеологов создания фронтовых отрядов Св. Креста и даже представил адмиралу Колчаку доклад по этому вопросу.¹⁰⁹

В армии Дутова Иона занялся формированием отрядов Св. Креста и Зеленого Знамени. Для вербовки добровольцев в дружины им было подготовлено несколько статей, воззваний и плакатов («Крестовые походы», «Священная война»), а 16 ноября Дутов утвердил предложенный Ионой штат кадровой сотни и роты Св. Креста.

История взаимоотношений оренбургского казачества и церкви, в особенности на заключительном этапе Гражданской войны, связана с судьбой особо почитаемой в Самарской, Уфимской и Оренбургской губерниях и среди оренбургских казаков, чудотворной Табынской иконы Божьей Матери. Эта внушительных размеров икона была известна еще со средневековья, и одной из ее особенностей был темный лик Богоматери.

В начале апреля 1919 г. икону перенесли в станицу Нижнеуфельскую. Один из депутатов 3-го очередного Войскового Круга, И.В. Федотов, даже попросил отпустить его на сутки в станицу для встречи иконы.¹¹⁰ Но затем, до осени 1919 г., о судьбе иконы оренбуржцам известно не было. По некоторым данным, в 1918-1919 гг. (по одной из версий, осенью 1919 г.) во время крестного хода возле станицы Нежинской под Оренбургом, где серебряную ризу иконы меняли на золотую, налетели красные, отобрали ризы и разогнали участников хода, а саму икону бросили на дороге.¹¹¹ Достоверность этой легенды вызывает большие сомнения. Дело в том, что встреча иконы происходила у Нежинской ежегодно 20 сентября. Но в сентябре 1919 г. белых там уже быть не могло, а в сентябре 1918 г. там не могло быть красных.

В штаб отступавшей Оренбургской армии эта икона была доставлена в Акмолинске,¹¹² куда, сопровождая святыню, прибыли священник села Табынское Уфимской губернии А. Куничев, протоиерей Н. Геллертов, дьякон Ф. Тимофеев и церковный староста с двумя помощниками.¹¹³ Как выяснилось, из села Табынского они выехали с иконой 13 мая 1919 г. в направлении Троицк — Оренбург. Когда началось отступление белых, они получили указание от епископа

Андрея и управляющего Тургайской областью следовать в направлении Кокчетав — Кустанай — Орск — Оренбург. Но на Орск, по совету атамана 1-го военного отдела Сибирского казачьего войска генерал-майора Е.Н. Осипова, они решили не ехать. И, не доехав до Кокчетавы, они более двух месяцев с 26 августа по 11 ноября 1919 г. пробыли по просьбе крестьян и казаков Сибирского казачьего войска в станице Котуркульской. Затем, в связи с распространением слухов о появлении большевиков в Кокчетавском уезде, они решили поехать в Акмолинск.

Узнав о том, что в Акмолинске находится штаб Оренбургской армии во главе с атаманом Дутовым, который всегда организовывал торжественную встречу иконы, священники усмотрели в этом перст Божий и обратились к главному священнику армии игумену Ионе с просьбой о помощи в сохранении иконы.

Дутов телеграфировал главнокомандующему по этому случаю: «16 ноября неожиданно явилась в Штаб вверенной мне Армии Чудотворная икона Табынской Божьей Матери с небольшим штатом священнослужителей. Видя Перст Божий, неисповедимыми путями направивший святой образ в Оренбургскую Армию, принял икону, и отныне она находится под защитой Оренбургской Армии. Донося о чем, прошу объявить Оренбургским казакам, башкирам и уфимцам, что святыня края найдена и 25 ноября назначено молебствие перед чудотворной иконой о даровании победы».¹¹⁴

Именно Иона обратил внимание Дутова на пропагандистское значение оказавшейся в расположении армии Табынской иконы и 17 ноября 1919 г. подал рапорт с просьбой оставить образ при штабе армии. Под влиянием Ионы в своем приказе Дутов заявил, что «Отныне над Отдельной Оренбургской Армией невидимо раскрыла свой Святой покров Владычица Богоматерь Табынская».¹¹⁵ Если бы Дутов только мог знать, какие испытания ждали его армию в самом ближайшем будущем, то вряд ли стал бы писать такое.

Игумен Иона предложил назначить прибывшего с иконой священника А. Куничева в 1-ю кадровую роту Св. Креста при штабе армии, протоиерея Н. Геллертова — в сотню Св. Креста, дьякона Ф. Тимофеева — вр.и.о. дьякона штаба армии, старосте и его помощникам предлагалось занять нестроевые должности

при сотне и роте Св. Креста. Кроме того, Иона предложил проводить ежедневные литургии, организовывал торжественные богослужения с иконой, крестные ходы и общие исповеди в Акмолинске, Каркаралинске, Сергиополе и Лепсинске. Были отпечатаны плакаты с призывами встречать икону. Можно было по письменному заявлению принять икону у себя дома. В пропаганде отмечалось чудесное обретение иконы Отдельной Оренбургской армией. Утверждалось, что икона была святыней даже для мусульман, прекратила холеру 1848 г. в Оренбурге и останется при армии вплоть до освобождения Уфимской губернии, которого, как известно, белые так и не дождались.

Не всем нравились организованные Ионой богослужения и пропагандистская кампания. Пропаганда была организована широко, но, как свидетельствуют очевидцы, достаточно грубо. Генерал С.А. Щепихин не без сарказма вспоминал «молебен с поминанием на эктимиях «Славного Атамана Александра Ильича Дутова!».¹¹⁶ А военный врач Л. Головин писал в своем дневнике: «Ещё весной пронырли-вый капитан французской службы Па-рис устно и письменно усердно распространялся об издевательствах красных солдат-интернационалистов над иконами в станице Кизильской. Иконы сбрасывались красными, рубились и пр. и пр.»¹¹⁷ Отголоски усердной пропаганды мне не раз приходилось встречать в сибирской печати. Один офицер говорил мне даже, что встречал в Омске и Атбасаре особые плакаты, на которых были рисунки, изображающие обесчещенные кизильские иконы. От всего этого шума маленький единственный случай так и остался маленьким случаем, а не великим преступлением. Кроме того, есть в России, и, в частности, в Сибири, среди трудового народа тысячи сектантов-революционеров, например, баптистов, которые даже одобрили бы уничтожение икон, признаков идолопоклонства.

Но гораздо более широкий круг идей и принципов захватывает факт, о котором собираюсь рассказать. По приезду в Беловодский услышали мы, что в Атбасаре служили молебен по случаю победы над большевиками... Теперь, съездив в Атбасар, я узнал, что там действительно служили молебен по случаю взятия Петрограда... На заборах в городе и сейчас пестрят объявления в виде телеграммы о взятии нашими доблестными

войсками го-рода Петрограда 24 октября. Приписывают эту выдумку Дутову, а также выдумку о капитуляции Кронштадта. Очевидно, всё с тою же подленькой целью..., но на этот раз особенно неудачно и глупо. При чтении становится ясно, что Петроград и не думал быть взят».¹¹⁸

Иона также планировал созвать съезд духовенства армии, поскольку не имел возможности познакомиться со всеми священниками в обстановке постоянного отступления, при котором даже штаб армии ни в одном пункте не задерживался дольше двух недель. Разумеется, в условиях тяжелейшего отступления, а тем более, Голодного похода, это была утопия. У штаба не всегда имелась связь даже с корпусами. К примеру, из 18 отношений, посланных Ионой благочинному II Оренбургского казачьего корпуса, до адресата дошло только 2.¹¹⁹

Когда с приходом дутовцев в Семиречье появилась возможность созвать съезд, сам Иона заболел сыпным тифом. Впоследствии он писал: «не могу не отметить той поистине изумительной деятельности духовенства Оренб[ургской] армии, которую оно обнаружило особенно в последний период существования Оренб[ургской] армии. Надо иметь нечеловеческие силы, надо совершенно отказаться от самого себя, забыть себя, чтобы сделать то, что сделало духовенство Оренб[ургской] армии. По обстоятельствам военного времени оно, лишившееся почти всего своего имущества, раздетое и голодное, шло со своими частями, шло не одну тысячу верст, ободряя и утешая таких же голодных и раздетых воинов. И ПЛОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДУХОВЕНСТВА ОРЕНБ[ургской] АРМИИ БЕЗУСЛОВНО СКАЗАЛИСЬ. Южная Армия была переименована в Оренбургскую в тот самый момент, когда она была совершенно разбита и парализована. Командующему Оренбургской Армии Атаману Дутову пришлось вновь создавать Армию и он приказом № 1 позвал к себе на помощь военное духовенство. И оно пришло, усвоив себе упомянутый приказ. Как уже упоминалось, военные обстоятельства не позволили задержаться Оренб[ургской] армии на одном месте более двух недель и, следовательно, заняться воссозданием, реорганизацией Армии не представлялось возможным. Оставалась измученная походами, распропагандированная, неудачами убитая в своих надеждах на успех масса бессознательных

воинов. И вот с ними-то надлежало сделать еще поход, еще около 2000 в[ерст], поход по Голодной Степи, где нет ни жилищ, ни продовольствия, поход зимой, в ожидании буранов, все на своем пути уничтожающих. И ДУХОВЕНСТВО ЗДЕСЬ СДЕЛАЛО СВОЕ ДЕЛО, следуя приказу № 1. Несмотря на то, что по пятам частей Оренб[ургской] армии шли красные и каждый мог без всякого риска, взявши даже повозку, перейти к красным, за исключением десятка случаев, никто из воинов Оренб[ургской] армии к красным не перешел, а питаюсь через день, пол[у] фунтом черного как земля хлеба, ночуя в Ноябре под открытым небом под покровительством Царицы Небесной Табынской, все пришли в Семиречье, утешаемые и подкрепляемые священниками Оренб[ургской] армии». ¹²⁰ Конечно, заслуги духовенства в этом пассаже несколько преувеличены, тем более, что при отступлении сдачи в плен, вопреки утверждению Ионы, все же были, а до Семиречья из-за тяжелейших условий отступления дошло не более половины прежнего состава армии.

Табынская икона постоянно находилась в походной церкви при атамане Дутове. Однако она не спасла белых от поражения и исхода в Китай. Кроме того, во время отступления в Семиречье скончались два табынских священника, сопровождавших образ. ¹²¹

По приказу Дутова № 31 от 10 февраля (28 января) 1920 г. игумен Иона был назначен главным священником Семиреченского края «в виду того, что связи с Высшим Временным Церковным Управлением не имеется; в Семиреченском Крае, освобожденном от большевиков, высшей церковной власти в лице Епископа нет, и, таким образом, духовенство Края, предоставленное самому себе, остается без руководителя». ¹²² При главном священнике были установлены должности ключаря (регента), дьякона и хора певчих. Ключарем-регентом стал регент хора при штабе Отдельной Оренбургской армии священник С. Плотников, дьяконом — Ф. Тимофеев.

В новой должности Иона пробыл три месяца до исхода в Китай. За этот период он с риском для жизни совершил поездку на фронт с Табынской иконой, организовал выдачу жалования духовенству, причем по приказу Дутова от 17 (4) февраля 1920 г. последнее, будучи удовлетворено жалованием, должно было совершать обряды безвозмездно. На содержание священно-

церковнослужителей 28 (15) февраля было выделено 273 400 руб. ¹²³ Приказом Главного начальника Семиреченского края № 57 от 12 марта (28 февраля) 1920 г. Дутов наградил Иону орденом Св. Владимира 4-й ст. «в ознаменование заслуг о. Ионы перед Родиной и русским народом». ¹²⁴ В приказе было отмечено, что «ко времени Копальских боев высокочтимый Игумен О. Иона, главный священник Края, прибыл в поселок Арасан и, несмотря на опасность и еще не совсем очищенную от красных дорогу, поспешил прибыть с Чудотворной иконой Табынской Божьей Матери в Копал, дабы гарнизон этого города смог бы после тяжких испытаний успокоить свои души и сердца лицезрением Пречистого Образа. Неутомимая деятельность о. Ионы на благо Родины, к укреплению и защите веры православной была на глазах у всех чинов быв. Оренбуржцев, я лишь могу от всей души поблагодарить от имени Армии за всю ту нравственную поддержку, которую оказал всем нам о. Иона. Как Начальник Края я вновь убедился в высокогосударственной работе Игумена о. Ионы...». ¹²⁵

По свидетельству Ионы, в Отдельной Семиреченской армии Б.В. Анненкова, куда влились оренбуржцы, существовал совершенно другой взгляд на деятельность духовенства, поэтому он решил не порывать связей с отрядом атамана Дутова (т.е. бывшей Отдельной Оренбургской армией), о чем сообщил в отряд 12 февраля (30 января). Этот «особый» взгляд имел давнюю историю и связан с полубандитским характером формирования Анненкова. Несмотря на известный лозунг на знаменах анненковцев «С нами Бог!», отношение к священнослужителям в анненковских формированиях было неоднозначным.

Еще приказом от 10 ноября 1918 г. № 156 в Партизанской дивизии Анненкова священникам предписывалось носить форму одежды, установленную для партизан. ¹²⁶ Когда Анненкову корпусное командование II Степного Сибирского корпуса, которому он формально подчинялся, указало на недопустимость такого требования, он решил в июне 1919 г. вообще откомандировать от дивизии всех священников, не принимать новых и заявил, что только он может отдавать приказы в дивизии. ¹²⁷ Корпусному священнику Анненков с издевкой отписал, что «форма, присвоенная в партизанской дивизии священникам, ...не только не роняет престижа наших священников, а

наоборот. Ношение же длинных Патриаршеских волос, допотопных ряс вызывает только насмешки, особенно когда священник появится перед строем верхом на коне...». ¹²⁸

Судя по всему, среди четырех исключенных Анненковым священников был отец Андрей Голеизовский, являвшийся священником 1-го Оренбургского казачьего атамана Дутова полка. ¹²⁹ О нем священник II Степного Сибирского корпуса А. Шабашев написал: «священник Голеизовский, по характерному выражению некоторых офицеров дивизии, приставлен к ним, назначение получил только от Ат[амана] Анненкова, он своим поведением и внешностью мало напоминает священника, и я считал бы за благо отстранить его от должности полкового иерея, но такого рода ходатайство может окончиться безрезультатно, и я решил пока не возбуждать его, так как, может быть, скоро придется всех священников дивизии запретить в священнослужении, а о некоторых возбудить ходатайство и о снятии сана». ¹³⁰ И все же часть духовенства у Анненкова осталась. Так, в 3-м Сводном партизанском имени Атамана Анненкова полку нес службу отец Н. Первушин. ¹³¹ В действиях Анненкова не чувствовалось какого-либо пиетета по отношению к священнослужителям. Приведенный пример наглядно свидетельствует об изменении отношения к духовенству даже в белом лагере.

При отступлении из Семиречья в Китай в 1920 г. через горный перевал Кара-Сарык атаману Дутову и его спутникам пришлось бросить почти все имущество, но Табынская икона, несмотря ни на что, была ими сохранена. Этот факт свидетельствует о высокой религиозности самого Дутова и его ближайшего окружения. При переходе границы, по воспоминаниям атамана, двинулись «в Сарканскую щель», ¹³² шли всю ночь по колено в снегу, без дороги, при 15° мороза. Дорога была сплошной ужас, то по реке, то по скалам, то по долине, сплошь занесенной снегом. Когда вошли в щель, начались муки. Дорога шла по карнизу и леднику. Ни кустика, нечем развести огня, ни корма, ни воды. Так шли три дня и пришли к перевалу Кара-Сарык (14,900 футов). Дорога на гору шла по карнизу из льда и снега. Срывались люди и лошади. Я потерял почти последние вещи. Вьюки разбирали, и несли в руках. Перевал брали полуторо ¹³³ суток. Когда я забрался на вершину, начался буран, и

многие поморозились. Я случайно избег этого, хотя я был в одной шинели.

Редкий воздух и тяжелый подъем расшевелили контузии мои, и я потерял сознание. Два киргиза на веревках спустили мое тело на 1 версту вниз, и там уже посадили на лошадь верхом, и после этого мы спускались еще 50 верст. Вспомнить только пережитое — один кошмар! И, наконец, в 70 верстах от границы мы встретили первый китайский¹³⁴ пост. Вышли мы 50% пешком, без вещей, вынесли только икону, пулеметы и оружие. Друг друга не узнавали, до того все почернели и похудели, остались одни глаза. Дальнейшие мытарства уже были легче».¹³⁵

Имеется еще одно свидетельство об исходе дутовцев в Китай вместе с иконой. Его автор, войсковой старшина Оренбургского казачьего войска П.А. Савич, прошел вместе с атаманом весь путь от Атбасара и Кокчетова до Суйдина. Он вспоминал: «По степям, по пескам, бездорожьем, глубокой осенью, под натиском красных полчищ, отходили уцелевшие остатки войск атамана Дутова. Казаки на конях, а раненые, больные и семьи — в телегах и повозках. В особой каретке, о двух конях, шествовала Святыня Оренбургского Войска — большая Табынская икона Пресв[ятой] Богородицы. Пути — дороги и переживания отходивших за иные границы известны по трудам летописцев, но об оренбуржцах было мало сведений, а поход их назывался голодным и тяжким. Кочевники угнали вглубь степей свои стада. Питаться приходилось большей частью затирухой из муки и немало осталось могильных бугорков без крестов, для которых не было дерева.

Миновали городки: Иргиз, Тургай, Атбасар, Кокчетав, Акмолы, Каркаралы,¹³⁶ Сергиополь и подошли к Лепсинску, в котором пришлось оставить весь обоз и часть коней и, неся на руках икону, а раненых и больных на носилках, начали подниматься по снежным крутизнам Алатау к перевалу Кара-Сарык. Были случаи, когда кони срывались с тропинок в глубины снегов, откуда их нельзя было вытащить. Добравшись до высшей точки, где почти постоянно бьют снежные бураны, мы начали спуск с гор и вскоре обрадовала нас зелень травы и кустов и, чем ниже, тем больше чувствовалась весна. И стали мы лагерем на берегу горной речки Барталы, и была Страстная Седмица, и приказал атаман построить из зелени кушу для иконы, пред которой и пели мы Пасху,

а вокруг стояли конные степняки, понимали видно, что мы благодарим Бога и потчевали нас вынимаемыми из-за пазух горячими лепешками...».¹³⁷

По еще одному свидетельству, переход через горы с тяжелой иконой (около метра высотой) был крайне затруднен: «Подъем этот был так труден, что совершенно обессиленные казаки оставили по дороге свою дорогую святыню, служившую утешением во время тяжелого похода — чудотворную икону Табынской Божией Матери и только на следующий день снова спустились с перевала и вынесли Ее...».¹³⁸ Очевидец вспоминал: «...передо мною второй барьер, на котором одиноко чернеют носилки с иконой, оставленные до завтра».¹³⁹

Один из мемуаристов писал, что вместе с Дутовым в Китае (город Суйдин) оказалось шесть мусульман-депутатов Учредительного Собрания, а сам атаман планировал начать борьбу с большевиками под лозунгами джихада.¹⁴⁰ Едва ли такая версия обоснованна. Дутов пытался поддерживать связь с басмачами, но его борьба никогда не проходила и не могла проходить исключительно под исламскими лозунгами, хотя бы потому, что сам Дутов не являлся мусульманином. Ближе к действительности идея того, что новый поход готовился под лозунгами защиты религии (христианства и ислама) от осквернения большевиками. Но, как известно, попытки белых формировать добровольческие части под религиозными лозунгами в 1919-1922 гг. потерпели фиаско — формируемые по религиозному принципу части были сравнительно немногочисленны (всего на востоке России с сентября до середины ноября 1919 г. в добровольческие дружины Св. Креста вступило не более 6000 человек), формировались достаточно медленно, а их боевая ценность оказалась невелика (наиболее восприимчивым к религиозным призывам оказалось гражданское беженское население).¹⁴¹ Кроме того, необходимо учитывать наметившееся еще в XIX в. падение роли религии в обществе, а также удар по авторитету церкви, нанесенный с приходом к власти большевиков, взявших курс на ликвидацию религии. Так что едва ли начинание Дутова ожидал успех. С другой стороны Дутов ни на кого, кроме добровольцев, рассчитывать при вторжении на территорию Советской России уже не мог. Для принудительных мобилизаций, по крайней мере, первоначально, у него просто не могло быть достаточных сил.

Большие надежды в отношении притока религиозно настроенных добровольцев Дутов возлагал на наличие в его отряде чудотворной иконы Табынской Божьей Матери. С Дальнего Востока Дутов получил денежные средства для своего отряда, началась закупка оружия в Илийском крае (пограничная с Российской областью Западного Китая с центром в Кульдже), а разведывательная и контрразведывательная работа приобрела еще больший размах. Активную роль в этой работе играл главный священник отряда Дутова игумен Иона, которого в отряде за его чересчур мирскую деятельность недолюбливали и пели:

С крестом в руке, с револьвером в кармане

Иона-поп — служи при атамане¹⁴²

Действительно, деятельность Ионы в тот период была явным примером преобладания мирского начала. Постепенно Иона вошел в доверие к Дутову и даже стал его близким другом и представителем отряда в Кульдже, где занимался сбором денежных средств на нужды отряда. По этой причине он часто встречался с директором кульджинского отделения Русско-Азиатского банка С.В. Дуковичем и его тестем А.П. Загорским (Воробчуком) — бывшим секретарем российского консульства.¹⁴³ Табынская икона хранилась в часовне отряда.

Кроме того, игумен Иона был одним из идеологов похода на Советскую Россию именно под религиозными лозунгами (небезынтересно, что он же и в 1919 г. стоял у истоков «крестоносного» движения). В августе 1920 г. он подготовил проникнутый утопическими идеями доклад Дутову по этому вопросу, в котором писал: «... настоящая поход будет уже последним походом, олицетворяющим решительную борьбу со злом... В нем оружие, сила военная должны уступить место силе духовной, и эта последняя сила, вылившаяся в могучее народное восстание, должна обеспечить нам победу. Народ сам должен своими собственными силами свергнуть ненавистную власть... Вполне естественно, что при появлении отряда, сильного духом, крепкого в убеждениях, спаянного любовью к Святой Руси, закаленного походами, безумно преданного своему атаману, - все те, в ком еще горит искра веры, не утратилась способность возвращения к прежним добрым навыкам, все они должны примкнуть к отряду для борьбы со злом.

Но для того, чтобы вести за собой десятки тысяч людей, чтобы быть для них

путеводной звездой, овладеть их волей, чувством и утешить бушующее море людских низких страстей, - необходимо нам самим заняться собственным нравственным самоусовершенствованием, искоренением злых навыков, приготовлением себя к той высокой миссии, которую каждый берет на себя...».¹⁴⁴ Как говорится, комментарии относительно серьезности затеваемой авантюры излишни.

В одной из публикаций отмечалось, что Иона в своей жизни, якобы, руководствовался девизом: «Подвиг — это, забыв себя и свои блага, быть опорой для всех. Подвиг — это жизнь для других».¹⁴⁵ Однако изучение документов, раскрывающих подлинную деятельность Ионы, позволяет по-другому оценить его роль и место в событиях Гражданской войны и первых лет эмиграции.

На отца Иону разведкой Туркестанского фронта была заведена специальная личная карточка, в которой, между прочим, говорилось: «Подозревается в похищении драгоценностей находящейся при нем иконы и тайном шпионаже в пользу Илийского Дао-иня и выдаче ему всех неблагонадежных русских эмигрантов. Игумен Иона присоединился к Дутову где-то около Акмолинска с чудотворной иконой табынской богоматери, весьма чтимой в Оренбургской, Самарской и Уфимской г.г.»¹⁴⁶ На щедрое пожертвования икона была обделана в ценную оправу с бриллиантами, рубинами и другими ценными камнями. С течением времени все эти ценности были ободраны, что не без оснований было приписано ему, как неотлучно находящемуся при иконе.¹⁴⁷

Присоединившись к Дутову, он без особого труда привел его под свое влияние, стал его правой рукой и вскоре назначен главным священником армии. С течением времени его влияние на Дутова несколько усилилось, что все [его] желания проводились Дутовым в жизнь без промедления. К числу таковых причисляется и предполагаемое выступление Дутова на Совроссию в 1920 году.

По прибытии в Китай Иона поселился в Кульдже, оставил икону в отряде Дутова...

В борьбе за первенство Дутова со Щербаковым,¹⁴⁸ Иона присоединился к первому, доказывая Щербакову его необоснованное требование».¹⁴⁹ Поскольку эти данные не предназначались для печати и вполне сочетаются с другими свидетельствами о деятельности

игумена Ионы, есть все основания им доверять.

Дутов назначил игумена Иону своим уполномоченным при российском консульстве в Кульдже — главном городе региона. Иона был замешан и в событиях, приведших к гибели атамана Дутова. Именно через него в ходе подготовки вторжения на советскую территорию к атаману проник организатор операции К.Г. Чанышев как представитель «верных» людей в Советской России.¹⁵⁰ По официальной версии, игумен Иона, якобы, заявил Чанышеву при встрече: «Я человека узнаю по глазам. Вы наш человек и вам необходимо познакомиться с атаманом. Он человек хороший и, если вы будете помогать (в другом варианте — работать — А.Г.) ему, то он вас никогда не забудет».¹⁵¹ И в дальнейшем, в основном, Чанышев контактировал с игуменом Ионой. Пропуск Чанышеву и сопровождавшим его лицам к Дутову на ту роковую встречу, во время которой атаман был смертельно ранен, выдал именно игумен Иона.

В официальной версии ликвидации Дутова указывалось, что атаман в какой-то момент начал сомневаться в Чанышеве и направил его в Кульджу на встречу с неким отцом Падариным (с запиской: «Отец Падарин. Предъявитель сего из Джаркента — наш человек, которому помогите во всех делах»), от которой Чанышев уклонился, уехав в Джаркент и объяснив свое возвращение опасением за близких, которым мог грозить арест. Небезынтересно, что Падариным разведка Туркфронта ошибочно считала отца Иону.¹⁵² Эта ошибка в дальнейшем закрепились и в официальных советских версиях ликвидации Дутова.

Табынская икона из часовни отряда была перенесена к смертельно раненому в результате покушения 6 февраля 1921 г. атаману Дутову, но чуда не случилось, игумен Иона, рано утром приехавший из Кульджи, едва успел наскоро напугать умирающего. Незадолго до смерти Дутов назначил Иону своим душеприказчиком и опекуном над своей гражданской женой А.А. Васильевой и дочерью Верой.¹⁵³

Между тем, по свидетельству генерала Щербакова, «отец Иона принимал деятельное участие в убийстве атамана. Об этом... говорил и поручик Аничков, который также, как и генерал Щербаков, и отец Иона, был, в момент убийства атамана, в Кульдже».¹⁵⁴

Анонимный офицер личного отряда Дутова писал: «мы не говорим, что отец Иона — отрядной и военный батюшка, любимец атамана, был к этому злому делу причастен, мы этого сказать не можем, но вспомнить должны, что он много знал, слишком было велико его влияние на атамана и не всегда оно было благотворным... О. Иона жил в Кульдже и часто ездил, проходя без доклада в кабинет, к атаману.

Большую к нему любовь и уважение питал наш вождь. А почему — этого в отряде никто не знал, и лишь только мы, более близкие к атаману, знали, что он ведет огромную работу по созданию багрянного государства для предохранения Азии от чар и злодейств красных, знали мельком и про предложение англичан — перейти на службу отряду для охраны афганской границы от продвижения туда красных коммунистов.

В это был посвящен о. Иона и еще некоторые из штатских.

Они и творили что-то, но что — из отрядников никто не старался узнать, атаману верили на слово, больше, чем себе. Знали, что он не обманет, не предаст и не продаст. Больше казаку ничего не нужно было...

[После убийства Дутова] Утром приехал о. Иона. Он был потрясен трагичной вестью, плакал и в плаче рассказывал, что уже давно знал о готовящемся покушении, но перепутал числа и опоздал предупредить атамана.

Перепутал на один день.

Не верить ему было нельзя — слишком искренне было его горе и мучился он так сильно, что не мог служить панихиду».¹⁵⁵

Эти данные подтверждаются и другим белым мемуаристом, по сведениям которого о приезде убийц в Кульджу с целью покушения на атамана 6 февраля отца Иону предупредил какой-то киргиз. Отец Иона не поверил и отправил его к китайцам клясться на Коране. В итоге было бездумно потрачено время, а атамана спасти не удалось.¹⁵⁶ Кстати, осведомленный британский генеральный консул в Синьцзяне П. Эсертон считал, что именно священник у Дутова был большевистским агентом.¹⁵⁷

Игумен Иона сыграл весьма активную и довольно неблагоприятную роль в начавшихся после гибели Дутова дразгах и борьбе за власть в отряде. Сторонником отца Ионы выступил подъяесаул А.Я. Арапов. Новый начальник отряда полковник Т.В. Гербов был даже вынужден

издать по этому поводу специальный приказ, в котором отметил, что «вмешательство духовного отца, пользующегося религиозным чувством чинов отряда, в командование отрядом считаю преступным».¹⁵⁸

После гибели атамана его квартира не была сразу же опечатана, в результате была обнаружена недостача пуда серебра.¹⁵⁹ Отец Иона, одним из первых осмотревший квартиру 7 февраля, преднамеренно затягивал ответ на вопрос о деньгах. Полковник Гербов прямо отметил в одном из приказов: «Неполучение Отрядом 20.000 тецз, 200.000 рублей романовскими и одного пуда серебра оставляю на совести игумена Ионы».¹⁶⁰ 5 марта Гербов, не вынеся происходящего, «с грустью в сердце» решил отказаться от командования отрядом и от идеи его сохранения.

Однако оказавшись в Китае, казаки не теряли надежды мирным или военным путем вернуться в Россию. Для поддержания морального духа в день Войскового праздника 6 мая 1921 г. был издан торжественный приказ: «Великие страдания терпит сейчас наша Родина; великие муки несет русский народ, наши дорогие семьи, отцы, жены и дети. Местью и справедливым возмущением пылают наши сердца.

В прошлом году на Баратале, в этот день войскового праздника, среди нас был наш Войсковой Атаман. Теперь его нет. Но его мысли, его воля, его заветы мы храним у себя в сердце. Он нам сказал тогда, что, как бы ни были велики наши страдания, какие бы лишения мы ни терпели, мы, оренбуржцы, здесь находящиеся, перенесем все, памятуя о службе наших предков, и зная, какие они терпели невзгоды. Нас ничто не должно смущать. За нами правда. С нами покровитель наш Св. Георгий, среди нас заступница рода христианского, Св. Чудотворный образ Табынския Божия Матери.

Мы твердо верим, что скоро настает желанный час пробуждения русского народа. Разнесется боевой клич возмущенного народа, загудит церковный благовест на Святой Руси православной, и тогда сгинет ненавидная нам власть большевиков...».¹⁶¹

20 июля 1921 г., спустя примерно полгода со смерти Дутова, новый начальник отряда войсковой старшина А.З. Ткачев издал приказ, в котором говорил о своем тяжелом положении и подвел итоги существования отряда за прошедший

период. Приказ этот настолько важен, что считаю необходимым привести его максимально полно:

«Со смерти Атамана Дутова прошло 6 месяцев. Обстановка, в какой пришлось за это время существовать отряду, была крайне тяжелой. Положение начальника Отряда — еще более тяжелым. Приходилось вести серьезную работу, дабы показать китайским властям, что смерть Атамана Дутова не убила в нас веры в победу над большевиками, что наш Отряд и после смерти Атамана Дутова, крепкий его заветами, будет высоко держать знамя русского дела, будет неизменно силен своею спайкою и дисциплиною.

С самого начала, однако, моему предшественнику полковнику Гербову пришлось столкнуться с работою бывшего представителя в Кульдже, игумена Ионы. Этот тщеславный и властолюбивый человек, рядом беззаконных поступков, сумел подчинить своему влиянию некоторых офицеров нашего Отряда и посеять глубокую рознь среди них. Преступное поведение игумена Ионы оценено приказами по Отряду Атамана Дутова, а Русская Комиссия в Кульдже своим постановлением от 14 марта поддержала оценку Начальника Отряда и просила китайские власти задержать игумена Иону, чтобы потребовать от него отчета по его деятельности. Однако игумен Иона избежал суда общества и военных властей и поспешно тайно уехал в Урумчи, где находится и по сие время. Перед отъездом Игумен Иона, пользуясь своим саном, без разрешения Начальника Отряда, тайно привел к присяге депутатов последнего Войскового Круга Области Войска Оренбургского подъесаула Арапова и хорунжего Готина на верность службе Отряду, потребовав от них заботу о сохранении цели Отряда.

Подъесаул Арапов и Хорунжий Готин совершили сразу же проступок против дисциплины, не доложив для получения разрешения Начальнику Отряда о желании их принять присягу.

Далее, во время командования Отрядом полк[овника] Гербова, подъесаул Арапов неоднократно, как это было в требовании удалить из Отряда подъесаула Соломова, вмешивался в права, принадлежащие исключительно Начальнику Отряда... (здесь и далее текст утрачен — А.Г.) в Урумчи, им (Ионой — А.Г.) был сделан перевод на имя подъесаула Арапова 16 тысяч илийских тецз, взятых

игуменом Ионою, при своем отъезде, тайно из отрядных денег. Выяснилось, что игумен Иона, ведя политику своего исключительного влияния на Отряд, выбрал орудием своей преступной политики подъесаула Арапова, и, с его согласия, решил все деньги, которые им будут собираться на отряд, присылать в адрес подъесаула Арапова, о чем и объявил, в пылу горячности, помощнику Атамана Дутова по управлению Семиреченским Краем, А.И. Звереву.

Полковник Гербов не считал возможным для себя далее оставаться Начальником Отряда, и, после отказа подъесаула Арапова перевести деньги на имя начальника Отряда, отдал приказ об исключении себя из списков Отряда, оставив на основании 8 ст. Устава Полевой Службы, своими заместителями меня и командира 1-го Оренбургского казачьего Атамана Дутова полка Войскового Старшину Завершинского. Я, как старший в чине и должности, вступил в командование Отрядом.

Встав во главе Отряда, я, памятуя о сохранении Отряда, решил рядом спокойных мер и своим ровным отношением к делу воспрепятствовать продолжению интриг и незаконностей в Отряде. Во имя умиротворения жизни в Отряде и его спокойствия я часто поступался даже своим авторитетом, как Начальника Отряда, надеясь на благоразумие г.г. офицеров, находящихся под влиянием игумена Ионы. И мне порою казалось, что я достигну, хотя бы ценою некоторого своего унижения, того, чего недоставало нам после смерти Атамана.

Однако мне пришлось убедиться в противном.

Ныне я имею неоспоримые данные, что моя доброта была понята как мое бессилие, - мое ровное отношение как заигрывание перед подъесаулом Араповым. Я имел не раз возможность убедиться, что своим мягкосердечием я удесятелю лишь наглость слепых людей.

Подъесаул Арапов, которому я решил оставить отрядные деньги на его личном счету в Банке, стал пользоваться этим и начал с того, что предъявил мне в Кульдже ультиматум, заявив, что, если я не уберу подъесаула Щелокова, представителя Отряда и моего заместителя в [Кульдже]..., то он останется в Кульдже и, имея у себя деньги, ...своих людей, оставив Отряд без средств. Не желая осложнять дела, я, после того, как подъесаул Щелоков подал рапорт о болезни, вызвал его в Отряд и

уничтожил представительство Отряда в Кульдже и при Русской Комиссии. В настоящее время я узнал, что подьесаул Арапов, посещая часто Кульджу, вошел без моего ведома в сношения с некоторыми лицами, занялся формированием там сотни, назначил командира сотни хорунжего Доренских и, назначив для связи с Кульджою хорунжего Доренских, уполномочил его быть лицом, объединяющим г.г. офицеров: оренбуржцев и семиреков.

В то же самое время, подьесаул Арапов, пользуясь расположением к нему лично Дирекции Русско-Азиатского Банка в Кульдже, непосредственно, без моего ведома, вошел в сношения с игуменом Ионою, самовольно распорядился из переведенных на Отряд генералом Анисимовым и находящихся в настоящее время в Урумчах 50.000 илийских тецз выдать 12.000 игумену Ионе на поездку его на Восток.

Я имею сведения и еще о многих преступлениях подьесаула Арапова, своим поведением роняющего значение и авторитет мой, как Начальника Отряда и в Кульдже и в Мазаре. До меня дошло о наличии в Кульдже группы г.г. офицеров, желающих воспользоваться поведением подьесаула Арапова ради своих честолюбивых планов, ведущих к попиранию догм международного права; мне известно о существовании в Мазаре среди г.г. офицеров полка так называемых «араповцев».

Я раз навсегда решил прекратить все эти домогания и предлагаю всем, желающим играть в политику и интриги, заняться своим делом. Я долго ждал благоразумия, но, видимо, Бог решил наказать некоторых г.г. офицеров, так как отнял у них разум.

Усматривая в действиях и поведении подьесаула Арапова ряд служебных преступлений... предаю подьесаула Арапова военно-полевому суду с донесением о том г. Илийскому Джен-Шоу-Ши». ¹⁶²

Возможно деятельность отца Ионы подана в этом документе исключительно негативно, но, думается, едва ли человек, в отношении которого имеются упреки в финансовой нечистоплотности и интриганстве, достоин причисления к лику святых.

Любопытными сведениями о деятельности отца Ионы, подьесаулов Щелокова и Арапова располагала советская разведка. По данным красных, отец Иона «после убийства Дутова в Суйду

ездил туда и пытался попасть в начальники оставшегося отряда, но господа офицеры «сие» провалили, после чего, взяв 6000 тез из [отряд]ных сумм, вернулся в Кульджу. В возникшей вслед за этим междоусобной борьбе «аристократической» партии Щелокова с партией членов войскового круга, возглавляемой [Арапо]вым и Скобелкиным, принял деятельное участие на стороне последних и даже участвовал в заговоре, имевшем целью свергнуть ставленника Щелокова — Ткачева. Заговор был раскрыт кит[айскими] властями и участники арестованы, но его арест не коснулся.

Как член шан-хуя ¹⁶³ был делегирован на Д[альний] В[осток] в Шанхай, Пекин, Харбин и пр[очие] города выступать от этого общества и в его защиту как перед китвлястями, так и [перед] русскими учреждениями и должностными лицами для отыскания средств существования белой эмиграции и военных отрядов.

Перед его отъездом в Кульдже в честь его был устроен банкет, на котором ему был преподнесен золотой крест с бриллиантами, стоимостью 5000 тез, приобретенный эмиграцией на последние гроши. По поводу этого подарка существует двусишие: - «господи, ты спасаешь вора на кресте, спаси же теперь крест на воре». ¹⁶⁴

Игумен Иона из отряда был командирован в Пекин и Шанхай. Перед отъездом 13 марта (28 февраля) 1921 г. он составил открытое письмо чинам отряда, в котором просил простить его и заверял, что добьется помощи для них. ¹⁶⁵ В тот же день он выехал из Кульджи, но лишь к концу 1921 г. в связи с происками своих врагов из отряда (в частности, Н.А. Щелокова) смог добраться до Шанхая, сообщив представителям дипломатического корпуса в Пекин о тяжелом положении отряда. ¹⁶⁶ Своим заместителем по должностям главного священника Оренбургской армии и отрядов атамана Дутова на время отъезда Иона назначил Ф.М. Георгиевского, находившегося в отряде генерала А.С. Бакича под Чугучаком, предложив ему прибыть в Суйдин. У Георгиевского, по данным на ноябрь 1920 г., были проблемы со здоровьем, и Иона допускал, что тот может не приехать. Временно до его прибытия заместителем являлся священник 1-го Оренбургского казачьего полка Григорий Штокалко (осуществлял духовное руководство отрядом после отъезда игумена Ионы на восток ¹⁶⁷, умер в 1933 г.).

Сохранились сведения и еще об одном священнике, оказавшемся вместе с личным отрядом Дутова в Китае, - отце Феодосии Солошенко (вскоре уехал в Чугучак, умер в 1946 г.). ¹⁶⁸

Слухи о происходящем в отряде Дутова разложении достигли отряда генерала А.С. Бакича, который, разумеется, с учетом своих интересов, отправил телеграмму в Харбин для передачи генерал-майору Н.С. Анисимову: «[Из] Кульджи сообщают[что в] Дутова, ныне Гербова отряде [-] безвластие. Денежная панама ¹⁶⁹ игумен Иона [с] частью денег уехал [в] Пекин». ¹⁷⁰ Уже в сентябре 1922 г. Иона получил назначение на должность епископа Тяньцзинского (Ханькоуского), начался новый этап его карьеры. Тем не менее, 13 сентября 1996 г. актом Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей Иона был причислен к лику святых.

В 1930-е гг. за могилой Дутова в Суйдине следил второй фельдъегерь атамана прапорщик И. Санков, хранивший в своей землянке и Табынскую икону. По другим данным, икона хранилась в храме Суйдина, настоятелями которого были: архимандрит Иона (Покровский, 1921 г.), священник Григорий Штокалко (1921-1925 гг.), священник Феодосий Солошенко (1925-1930 гг.), протоиерей Михаил Малярковский (1930-1933 гг.), протоиерей Павел Кочуновский (1933-1937 гг.). По данным на 1937 г., в Кульдже был сооружен достойный памятник Дутову и его сподвижникам. Чудотворная икона Табынской Божией Матери была перенесена в незадолго до этого построенный Свято-Никольском храм в Кульдже, ¹⁷¹ ставшей православным центром Синьцзяна. Настоятелями этого храма были священник Феодосий Солошенко (1938-1944 гг.), благочинный православных церквей Синьцзяна и настоятель прихода протоиерей Д. Модзяновский (1946-1952 гг.), благочинный и настоятель храма игумен Софроний (Иогель, 1954-1960 гг.). Сохранились фотографии крестного хода с иконой уже в 1950-е гг. Крестные ходы с иконой постоянно проходили в девятую пятницу после Пасхи. Однако в конце 1960-х гг. храм был разрушен китайцами, а икона пропала, и местонахождение ее до сих пор окружено многочисленными легендами.

Нельзя не упомянуть о судьбах тех священнослужителей, которые с остатками Отдельной Оренбургской армии вошли в состав «Отряда атамана Дутова» под командованием генерала А.С.

Бакича. К сожалению, эти данные также весьма скудны. В составе отряда, в который фактически была сведена вся бывшая Отдельная Оренбургская армия, китайскую границу, по заслуживающим доверия данным советской разведки, пересекли 16 священников.¹⁷² По всей видимости, эта цифра примерно отражает их общее количество в Отдельной Оренбургской армии. Основная часть их, видимо, упомянута нами в разделе о военном духовенстве IV Оренбургского армейского корпуса, составившего костяк отряда. Священником отряда в связи с болезнью игумена Ионы стал благочинный IV Оренбургского армейского корпуса протоиерей С. Каверзнев.¹⁷³ Вскоре Каверзнев скончался, и 8 февраля 1920 г. Иона утвердил благочинным отряда отца Ф.М. Георгиевского, состоявшего в этой должности с 4 февраля (22 января). С 3 марта 1921 г. он стал благочинным Отдельного Оренбургского корпуса генерала А.С. Бакича и в этом качестве предстал перед советским правосудием.

Федор Михайлович Георгиевский родился в Киеве 20 июня 1868 г. в семье полкового священника 48-го пехотного Одесского полка, в 1889 г. окончил Петербургскую духовную семинарию, жил в Колпино под Петербургом, имел восемь детей (5 сыновей и 3 дочерей) и был приписан к Царскосельскому призывному участку. Он был настоящим военным священником русской армии, причем еще до Первой мировой войны служил в этом качестве в 256-м Гунибском резервном батальоне, 3 Кубанском пластунском батальоне, 254-м Темир-Хан-Шурином и 255-м Аварском резервных батальонах, в гарнизонной церкви Петровска, в Новогеоргиевском крепостном соборе и в Зегржской крепостной церкви, в годы войны — в 171-м Кобринском (до мая 1915 г.), 103-м Петрозаводском (19-27 августа 1915 г.) и 104-м Устюжском (27 августа-2 октября 1915 г.), 66-м Бутырском пехотных, а также в 12-м Кавказском и 1-м Сибирском стрелковых полках. Труд Георгиевского был отмечен орденами Св. Анны 3-й и 2-й степеней с мечами, Св. Владимира 4-й ст. с бантом и надписью «За 25 лет», наперсным крестом на Георгиевской ленте и другими наградами.¹⁷⁴

С 20 апреля 1918 г. Георгиевский служил в одной из церквей Николаевского уезда Самарской епархии, 22 апреля 1918 г. получил увольнение от военной службы. С 23 сентября 1918 г. он

добровольно поступил на службу к белым. Свой переход в белую армию он в 1922 г. объяснил в показаниях «установлением в ней института военных священников как для меня привычной службы».¹⁷⁵ Он стал священником 2-й Сызранской стрелковой дивизии, в апреле 1919 г. — благочинным дивизии и священником 5-го Сызранского стрелкового полка, затем с 8 августа священником управления начальника артиллерии 2-й Сызранской стрелковой дивизии с оставлением благочинным дивизии.¹⁷⁶ Сделано последнее назначение было в целях служебного удобства, чтобы находиться при штабе дивизии.¹⁷⁷ Дальнейшая карьера Георгиевского уже известна читателю. В общей сложности он прослужил у белых три года и два месяца, вместе с остатками отряда Бакича сдался монголам в Уланкоме в конце 1921 г. и был выдан советским представителям.

29 марта 1922 г. он был допрошен. В своих показаниях Георгиевский отметил, что в церкви скопилась масса фари́сеев, и он приветствовал проведенное большевиками отделение церкви от государства как меру, позволявшую очистить церковь от негодного элемента, но заявил, что выступает за поддержку церковью власти, какой бы она ни была.¹⁷⁸ Георгиевский также сообщил, что, находясь в Китае, не препятствовал возвращению солдат и казаков в Советскую Россию. Изъятые у него церковные ценности, в том числе наперсный крест и на престольный крест, подаренный ему Оренбургским казачьим войском, Георгиевский передал в помощь голодающим Поволжья.¹⁷⁹ Быть может, сделано это было под давлением или с целью облегчить свою участь. Как бы то ни было, священник по итогам судебного процесса отделался довольно легко. Он был подвергнут условному лишению свободы на три года и освобожден прямо в зале суда.¹⁸⁰

Некоторых ветеранов армии Дутова поражения и тяготы Гражданской войны и первых лет эмиграции привели на религиозный путь. Наиболее ярким является пример Л.В. Святин. Он родился в семье учителя (позднее священника) в Верхнеуральске. Племянник известного оренбургского генерала, командира I Оренбургского казачьего корпуса Г.П. Жукова, Святин с отличием окончил Оренбургскую духовную семинарию, учился в Казанской духовной академии, но не окончил ее и пошел на фронт Первой мировой войны.

Он окончил Тифлисское военное училище, воевал на Кавказском фронте. В годы Гражданской войны Святин принял активное участие в Белом движении, разделив судьбу армии Дутова. Уже в эмиграции в Китае в 1921 г. он принял монашеский постриг под именем Виктора, десять лет служил настоятелем храма Христа-Спасителя в Тяньцзине. Уже в сане архимандрита принял участие в архиерейском соборе в Сремских-Карловцах в 1932 г. В 1933 г. он уже будучи епископом Шанхайским был назначен начальником Российской духовной миссии в Китае, а в 1936 г. стал архиепископом. В годы эмиграции Виктор Святин много сделал, чтобы облегчить тяжелое положение русских беженцев, строил и организовывал больницы, школы, храмы.¹⁸¹ Его дальнейшая судьба сложилась непросто. В феврале 1946 г. Святин принял советское гражданство, был арестован, после освобождения побывал в СССР, а в 1956 г. переехал туда окончательно. Служил управляющим Краснодарской и Кубанской епархии. Умер в августе 1961 г.¹⁸² В конце жизни Виктор Святин активно помогал своей тетке Прасковье Михайловне — супруге генерала Жукова, которая в 1947 г. вернулась в СССР и жила в Вологде.

Оренбургские казаки продолжали хранить свою веру и в эмиграции. В Кафедральном соборе Пресвятой Богородицы Всех Скорбящих Радости в Сан-Франциско хранится сооруженная 23 апреля 1966 г. икона Святого Великомученика и Победоносца Георгия со скромной надписью: «Сия икона сооружена казаками Оренбургского Казачьего Войска в память убиенного Войскового Атамана Александра И. Дутова и Казаков за Веру, Царя и Отечество живот свой положивших и за рубежом умерших».

Переломная эпоха революции и Гражданской войны активизировала многие крайне болезненные процессы, начавшиеся в российском обществе значительно раньше. Одним из таких процессов было понижение роли церкви и религии в жизни населения. В годы Гражданской войны конфликт на религиозной почве наиболее ярко проявился в виде столкновения красных как атеистов и белых как сторонников традиционного взгляда на роль церкви. Для консолидации представителей разных конфессий (что особенно ярко проявлялось на Южном Урале)

белые выдвигали идеи религиозной терпимости и борьбы за веру, в какой бы форме она ни существовала. Красные, со своей стороны, выдвинули похожие по сути идеи интернационализма, сделав упор не на вероисповедании, а на национальной принадлежности.

Возможно, при более глубокой религиозности населения церковные формирования и пропаганда защиты веры от безбожников имели бы больший успех и принесли бы белым победу. Тем более, что на их стороне были многие яркие деятели церкви. Архиепископы Мефодий (Герасимов) и Виктор (Святин), епископы Андрей (Ухтомский) и Нестор (Анисимов), архимандрит Иона (Покровский), — эти и многие другие церковные деятели эпохи Гражданской войны являлись неординарными личностями, которым пришлось служить в сложное и трагическое для страны и церкви время русской Смуты. Будучи поставлены перед необходимостью непростого политического выбора между противоборствующими сторонами, в рядах каждой из которых находилась их паства, они сделали свой выбор, внося весомый вклад в антибольшевистское движение на востоке России. На завершающем этапе борьбы, в конце 1919 г., в Оренбургской армии религиозная пропаганда была поставлена шире, чем в остальных колчаковских армиях, что связано с активной деятельностью отца Ионы (Покровского) и нахождением при армии чудотворной Табынской иконы.

Однако нужно признать, что в реальных условиях Гражданской войны выдвигание белыми церковных лозунгов воспринималось населением как анахронизм. Не случайно, на плакатах красных фигура тучного попа непременно соседствовала с изображениями других сторонников контрреволюции: царя, помещика и офицера, вызывавших ненависть населения. В русском обществе еще в XIX веке возникло недовольство церковью и далеким от идеала духовности образом жизни ее представителей, что нашло отражение в живописи и художественной литературе. Ко времени революции в этом отношении мало что изменилось. В условиях смуты разложение коснулось и части духовенства, что стало еще одной причиной отсутствия широкой поддержки религиозного движения в народе. Не было однозначного отношения и широкой поддержки церкви и в белом лагере. Как уже отмечалось, высшие церковные деятели на территории, занятой белыми, придерживались более правых политических взглядов, чем лидеры Белого движения. В результате должного взаимопонимания между церковью и Белым движением не сложилось. Некоторые, наиболее вопиющие случаи свидетельствуют даже об отсутствии элементарного уважения к духовному сану, в том числе со стороны отдельных белых вождей. Пожалуй, самым ярким примером в этом отношении являются действия атамана Анненкова, решившего, что он может одевать священнослужителей, во что ему вздумается.

В итоге при безразличном попустительстве основной массы населения значительно больший успех имела атеистическая политика красных и наступление на церковь, нежели идеи возрождения церкви и лозунги религиозной войны, на определенном этапе выдвинутые белыми. Однако не стоит переоценивать значение религиозного фактора, который являлся отнюдь не основным вопросом Гражданской войны.

Серьезнейшие внутренние противоречия и острые социальные конфликты в стране, необходимость коренных изменений в жизни общества, модернизации архаичной системы государственного управления, — все это заслонило тогда своими масштабами вопросы религии. Как следствие, роль церкви в противоборстве белых и красных оказалась крайне невелика.

Пожалуй, более важную роль, чем в Гражданскую войну, церковь сыграла уже после того, как остатки белых армий были вынуждены покинуть пределы России и оказались в эмиграции. В это непростое время именно церковь стала тем органом, который консолидировал эмигрантов, поддерживал их, помогал приспособиться к новым тяжелым условиям, не забыть русскую культуру и язык. Нельзя забывать и о том, что гонения на церковь в Советской России и в СССР после Гражданской войны привели к небывалому росту ее авторитета в обществе.

¹ Кашеваров А.Н. Церковь и власть. Русская Православная Церковь в первые годы Советской власти. СПб., 1999; Нечаев М.Г. Церковь на Урале в период великих потрясений 1917-1922. Пермь, 2004; Эйгорн И.Д. Очерки истории религии и атеизма в Сибири (1917-1937 гг.). Томск, 1982.

² Абросенко К.П. Религия на службе контрреволюции в Сибири. Иркутск, 1938; Ансвесул В.К. Церковь и гражданская война на Урале. Свердловск, 1937; Кандидов Б. Религиозная контрреволюция 1918-20 гг. и интервенция (очерки и материалы). М., 1930; Коробейников Н. За Уралом-Кузбасс против рясофорных мракобесов. Свердловск, 1932; Тубанов С. Церковь на службе врагов народа. Свердловск, 1940 и др.

³ В качестве исключения можно отметить интерес исследователей к биографии епископа Ионы (Покровского), однако в увидевших свет публикациях его деятельность была представлена, в основном, в апологетическом свете — См.: Материалы к военной биографии святителя Ионы Ханькоуского // Военная Быль

(Москва). 1997. № 9 (138); Материалы к жизнеописанию святителя Ионы Ханькоуского // Православная жизнь. 1999. № 10 (597); Архив епископа Ханькоуского Ионы (Покровского) Публикация Н.Т. Энеевой // Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования. Вып. 1. М., 2005; Энеева Н.Т. Святитель русского зарубежья епископ Иона Ханькоуский (Покровский) // Там же. Попытка анализа положительных и отрицательных сторон деятельности Ионы в годы Гражданской войны и в эмиграции содержится как в данной статье, так и в моей книге об атамане Дутове — Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. М., 2006.

⁴ Доклад о результатах командировки начальника Главного управления казачьих войск Генерал-Лейтенанта Щербов-Нефедовича в 1902 году в Оренбургское казачье войско. СПб., 1902. С. 13.

⁵ Подробнее о жизненном пути П.И. Плеханова см.: Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891-1945. Биографический справочник. М., 2007. С. 450-451.

⁶ Емельянов С.Н. Власть и церковь: Эволюция государственной религиозной политики и институтов церковного управления в губерниях Центрального Черноземья. 1917-1922. М. — Курск, 2001. С. 3.

⁷ Васильева О.Ю. Русская православная церковь и советская власть в 1917-1927 годах // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 43.

⁸ Нечаев М.Г. Указ. соч. С. 209.

⁹ Кашеваров А.Н. Церковь и власть. Русская Православная Церковь в первые годы Советской власти. СПб., 1999. С. 194.

¹⁰ Нечаев М.Г. Красный террор и Русская Православная Церковь // Первая межвузовская научная конференция «История и террор». Вып. 1. Тезисы докладов. Пермь, 1993. С. 28.

¹¹ Карпунин И.И., Александров А.И. Северный летучий. Челябинск, 1972. С. 54.

¹² Мученики и исповедники Оренбургской епархии XX века. Кн. 3. Оренбург, 2000. С. 56, 62.

¹³ Нечаев М.Г. Указ. соч. С. 183-184.

¹⁴ Полосин М.[П.] 1918 год (из воспоминаний обывателя) // Гражданская война на Волге в

- 1918 г. Сб. первый. Прага, 1930. С. 265; Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917-1920. Шанхай, 1937. С. 54, 79.
- ¹⁵ Нечаев М.Г. Указ. соч. С. 181.
- ¹⁶ Там же. С. 183.
- ¹⁷ Нежный А. Князь Ухтомский, епископ Андрей — <http://drevo.org.ru/Texts/Nezhny/02.htm>.
- ¹⁸ Анафема патриарха Тихона //Посев. 1999. № 6. С. 34.
- ¹⁹ Князев В.В., ротмистр. Благословение патриархом Тихоном адмирала А.В. Колчака // Наши вести. 2000. Март. № 458/2759. С. 6-7; Кандидов Б. Религиозная контрреволюция 1918-20 гг. и интервенция (очерки и материалы). М., 1930. С. 25.
- ²⁰ Кашеваров А.Н. Указ. соч. С. 83.
- ²¹ Оренбургский казачий вестник. 1918. № 20. 28.01. С. 4.
- ²² Протокол № 7 2-го чрезвычайного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска. Верхнеуральск, 1918. 03.02.
- ²³ Стремский Н.Е. Мученики, исповедники и храмы Оренбургской епархии XX века. Кн. 2. Сараташ, 1999. С. 239, 260.
- ²⁴ Оренбургский церковно-общественный вестник (Оренбург). 1918. № 7. 03.03. С. 3; Протокол № 10 2-го чрезвычайного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска 05.02.1918. С. 191.
- ²⁵ Эти данные, однако, не подтверждаются в справочнике М. Лемешевского, по данным которого Мефодий в 1878 г. поступил в Казанскую Духовную академию, а в 1882 г. ее окончил — Die russischen orthodoxen bischöfe von 1893 bis 1965. Bio-Bibliographie. Т. 4. Erlangen, 1986. P. 338.
- ²⁶ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 307. Карт. 2. Д. 3. Л. 34об.
- ²⁷ Нечаев М.Г. Указ. соч. С. 149.
- ²⁸ [Мануил Лемешевский, митрополит] Die russischen orthodoxen bischöfe von 1893 bis 1965 [Русские православные иерархи с 1893 по 1965 гг.]. Bio-Bibliographie. Т. IV. Ionafan (Rudnev) — Mstislav (Skrypnik). Erlangen, 1986. P. 338; Войнов В.М., Голостанов М.Е. Мефодий // Политические деятели России 1917. Биографический словарь. М., 1993. С. 214-215.
- ²⁹ РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 7. Л. 3об.-4.
- ³⁰ РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 10. Л. 44.
- ³¹ Гражданская война в Оренбургском крае. По воспоминаниям участников гражданской войны и документам. Чкалов, 1939. С. 118; Нечаев М.Г. Указ. соч. С. 183.
- ³² Скорее, мироздания — А.Г.
- ³³ Пиотровский Б.Б. Страницы моей жизни. СПб., 1995. С. 21; См. также: Зуев В.Ю. Борис Борисович Пиотровский (1908-1990) //Портреты историков. Т. 3. Древний мир и Средние века /Отв. ред. Г.Н. Севостьянов, Л.П. Маринович, Л.Т. Мильская. М., 2004. С. 236.
- ³⁴ ГА РФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 52. Л. 63.
- ³⁵ Цит. по: Марковчин В.В. Три атамана. М., 2003. С. 61.
- ³⁶ Нечаев М.Г. Указ. соч. С. 242-243.
- ³⁷ Балашина Н.Ю., Цветков И.Ф. Из истории православия в российской армии и флоте //Клио. Межвузовский журнал для ученых. СПб., 1999. № 2. С. 44.
- ³⁸ РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 2. Л. 78.
- ³⁹ Святейшая контрреволюция (Страницы истории) //Наука и религия. 1960. № 11. С. 25; Эйнгорн И. Союз несбывшихся надежд //Наука и религия. 1987. № 2. С. 23.
- ⁴⁰ РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 2. Л. 99.
- ⁴¹ Там же. Л. 91, 159.
- ⁴² Подробнее см.: Егоров Н.Д. Церковь и белая армия //Военная Быль (Москва). 1996. № 8 (137). С. 44.
- ⁴³ РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 2. Л. 393; Волков Е.В. Православные священники в белых армиях: люди, идеи, судьбы //ВоенКом: Военный Комментатор. Военно-исторический альманах (Екатеринбург). 2002. № 2 (4). С. 11.
- ⁴⁴ РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 2. Л. 450об., 454.
- ⁴⁵ РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.
- ⁴⁶ Там же. Л. 4об.
- ⁴⁷ Кашеваров А.Н. Указ. соч. С. 107.
- ⁴⁸ Емельянов С.Н. Русская Православная Церковь в Белой борьбе //Доброволец (Москва). 2004. № 1 (3). С. 16.
- ⁴⁹ ЦДНИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 183. Л. 10об.
- ⁵⁰ ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 22. Ч. 2. Л. 152.
- ⁵¹ РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 3. Л. 25.
- ⁵² ГА РФ. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 174. Л. 9, 11об.
- ⁵³ Оренбургский край. 1918. № 107. 09.11. С. 2.
- ⁵⁴ Головин Л. Связанная совесть. Фрагмент дневника. Публикация В.Г. Семенова //Гостиный Двор (Оренбург). Литературно-художественный и общественно-политический альманах. 2003. № 14. С. 221.
- ⁵⁵ РГВА. Ф. 39889. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.
- ⁵⁶ Оренбургский казачий вестник. 1919. № 129. 09.07. С. 1.
- ⁵⁷ РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 2. Л. 254.
- ⁵⁸ Мученики и исповедники Оренбургской епархии XX века. Кн. 3. Оренбург, 2000. С. 52, 55.
- ⁵⁹ Там же. С. 42, 52.
- ⁶⁰ РГВА. Ф. 39606. Оп. 1. Д. 5. Л. 16-16об.
- ⁶¹ Протоколы 3-го очередного Войскового Круга Области Войска Оренбургского. Троицк, 1919. С. 36-38.
- ⁶² Оренбургский казачий вестник. 1918. № 58. 14.09. С. 5.
- ⁶³ РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1. Л. 156.
- ⁶⁴ Русская армия. 1919. № 78. 15.04. С. 3.
- ⁶⁵ Национально-государственное устройство Башкортостана (1917-1925 гг.). Документы и материалы. В 4 т. Т. 1. Уфа, 2002. С. 246, 355; Т. 2. Ч. 1 Уфа, 2002. С. 481.
- ⁶⁶ Оренбургский казачий вестник. 1918. № 31. 09.08. С. 3.
- ⁶⁷ Khvostov M. The Russian Civil war (2). White armies. Men-at-arms 305. Oxford, 2004. P. 36.
- ⁶⁸ РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 16. Л. 161.
- ⁶⁹ РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1. Л. 290.
- ⁷⁰ Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. С. 84; Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. — лето 1918 г.). М., 2003. С. 331.
- ⁷¹ Национально-государственное устройство Башкортостана (1917-1925 гг.). Документы и материалы. В 4 т. Т. 1. Уфа, 2002. С. 193.
- ⁷² Протоколы 3-го чрезвычайного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1918. С. 10.
- ⁷³ ГА РФ. Ф. Р-148. Оп. 4. Д. 131. Л. 5, 6-6об.
- ⁷⁴ Цит. по: Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917-1922 гг. М., 2001. С. 202.
- ⁷⁵ Протокол № 3 2-го чрезвычайного Войскового Круга Оренбургского казачьего войска. Верхнеуральск, 1918. 30.01.
- ⁷⁶ ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 3. Д. 15. Л. 28.
- ⁷⁷ ГА РФ. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 23. Л. 61.
- ⁷⁸ ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 91. Л. 4об.
- ⁷⁹ Оренбургский казачий вестник. 1918. № 63. 20.09. С. 4.
- ⁸⁰ Оренбургский край. 1918. № 131. 08.12. С. 2.
- ⁸¹ Иртыш. Голос Сибирского казачьего войска. Журнал еженедельный (Омск). 1919. № 35. 02.09. С. 27-28.
- ⁸² РГВА. Ф. 39768. Оп. 1. Д. 4. Л. 2об.
- ⁸³ РГВА. Ф. 39768. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.
- ⁸⁴ Подробнее см.: РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 10. Л. 21, 27, 29, 34, 35; Волков Е.В. Указ. соч. С. 11.
- ⁸⁵ РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 10. Л. 44-44об.
- ⁸⁶ Там же. Л. 45; РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 7. Л. 2об.
- ⁸⁷ РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 2. Л. 382.
- ⁸⁸ РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.
- ⁸⁹ Там же. Л. 3.
- ⁹⁰ Там же. Л. 3об.
- ⁹¹ Там же. Л. 3.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ Там же. Л. 5.
- ⁹⁴ Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 266.
- ⁹⁵ РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 6. Л. 29об.
- ⁹⁶ Вениамин (Федченков), митрополит. Указ. соч. С. 194.
- ⁹⁷ РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 7. Л. 4.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ Там же. Л. 4-4об.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 5-5об.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 3об.
- ¹⁰² Там же.
- ¹⁰³ Там же. Л. 4.
- ¹⁰⁴ Там же. Л. 3об.
- ¹⁰⁵ Подробнее см.: Ганин А.В. Оренбургские казаки в рядах Отдельной Уральской армии 1919-1920 гг. //Горыныч. Краеведческий сборник. Ч. 2. Уральск, 2007. С. 34-110; Он же. Оренбургские казаки в Восточном Прикаспии осенью 1919 - весной 1920 г. // Новый Часовой. Русский военно-исторический журнал. Санкт-Петербург. 2002. № 13-14. С. 373-380.
- ¹⁰⁶ РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 8. Л. 123об.-124.
- ¹⁰⁷ Иона (в миру — Владимир Ильич Покровский; 17.04.1888-20.10.1925) — Из крестьян Козельского уезда Калужской губернии. Сирота. Окончил Калужскую семинарию, Казанскую духовную академию (1914), Доцент академии, иеромонах. Главный священник 11-й армии (1916). Проповедник 2-й армии

Западного фронта (с 10.06.1917). В 1918 г. в Казани. В мае арестован, в том числе в связи с тем, что на его квартире жил представитель Дутова. Бежал. Выехал в Пермь, был пойман, избит, арестован и отправлен для предания суду военного трибунала в Тюмень. Освобожден белыми. Находился в Омске. Корпусной благочинный XI Яицкого армейского корпуса (с мая 1919). Игумен (1919). Главный священник Оренбургской армии (с 05.10.1919). Участник Голодного похода. Главный священник Семиреченского края (с 28.01.1920). В эмиграции — в Западном Китае (Кульджа). Архимандрит (с 12.04.1922). Принимал активное участие в контрразведывательной работе Дутова. После гибели Дутова выехал в Пекин. На службе в Российской Духовной Миссии. Епископ Тяньцзинский (Ханькоуский) (с 18.09.1922). Служил в г. Маньчжурия (с 19.10.1922). Святитель, Маньчжурский чудотворец. В 1996 г. Русской Православной Церковью Заграницей причислен к лику святых. День памяти — 20 октября — ГА РФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 277; Материалы к военной биографии святителя Ионы Ханькоуского //Военная Быль (Москва). 1997. № 9 (138). С. 2-5; Поздняев Д. Православие в Китае (1900-1997 гг.). М., 1998. С. 252-253; Материалы к жизнеописанию святителя Ионы Ханькоуского //Православная жизнь. 1999. № 10 (597). С. 2-13; Архив епископа Ханькоуского Ионы (Покровского) Публикация Н.Т. Энеевой //Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования. Вып. 1. М., 2005. С. 317-350; Энеева Н.Т. Святитель русского зарубежья епископ Иона Ханькоуский (Покровский) //Там же. С. 9-27.

¹⁰⁸ ГА РФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 277. Л. 14.

¹⁰⁹ Там же. Л. 15.

¹¹⁰ Протоколы 3-го очередного Войскового Круга Области Войска Оренбургского. Троицк, 1919. С. 312.

¹¹¹ Чванов М. «Всего мира надеждо и утешение» //Гостинный двор. Литературно-художественный и общественно-политический альманах (Оренбург). 2003. № 14. С. 155.

¹¹² ГА РФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 277. Л. 36.

¹¹³ Там же. Л. 34.

¹¹⁴ Казачье эхо (Чита). 1919. № 16. 30 (17). 11. С. 3.

¹¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 277. Л. 36.

¹¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 34.

¹¹⁷ См. также: Протоколы 3-го очередного Войскового Круга Области Войска Оренбургского. Троицк, 1919. С. 369.

¹¹⁸ Головин Л. Указ. соч. С. 232.

¹¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 277. Л. 17.

¹²⁰ Там же. Л. 18-19.

¹²¹ Там же. Л. 17.

¹²² ГА РФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 277. Л. 40.

¹²³ Там же. Л. 43.

¹²⁴ Там же. Л. 41.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 2. Л. 472.

¹²⁷ Там же. Л. 475, 476, 478.

¹²⁸ Там же. Л. 471.

¹²⁹ Там же. Л. 479.

¹³⁰ Там же. Л. 479-479об.

¹³¹ РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 8. Л. 80.

¹³² «Сарканская щель» - ущелье, начинающееся у станицы Сарканской — А.Г.

¹³³ В документе ошибочно — «полторы» — А.Г.

¹³⁴ В документе ошибочно — «калмыцкий» — А.Г.

¹³⁵ ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 6. Л. 90.

¹³⁶ Акмолы и Каркаралы — Акмолинск и Каркаралинск — А.Г.

¹³⁷ Савич [П.А.]. Путь в Китай //Родимый Край (Монморанси). 1966. № 65. Июль-Август. С. 22-23.

¹³⁸ Синцзянский. Крестный путь Оренбургской Армии. Из дневника Оренбуржца. Как я поднялся на перевал Карасарык //Луч Азии (Харбин). 1936. Апрель. № 20/4. С. 15.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Синдзянский. Как погиб Атаман Дутов (Записки конвойца) //Луч Азии (Харбин). 1936. № 20/4. Апрель. С. 8.

¹⁴¹ Цветков В.Ж. «Легион Святейшего Патриарха Тихона». Гвардия Православной Руси: из неосуществленных проектов //Военная Быль (Москва). 1995. № 6 (135). С. 23-24; Волков Е.В. Указ. соч. С. 11-12; Посадский А.В. Страницы Белого добровольчества на востоке России //Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2002. № 11. С. 84-93; Цветков В.Ж. Генерал Дитерихс, последний защитник Империи //Генерал Дитерихс. М., 2004. С. 46.

¹⁴² Ени. Смерть Атамана Дутова (По личным воспоминаниям офицера Личного Отряда Атамана) //Возрождение Азии (Тяньцзинь). 1935. № 695. 22.05. — ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 8. Л. 143об.

¹⁴³ Загорский А.[П.] К истории атамана А.И. Дутова //Оренбургский казак. Сб. Сан-Франциско, 1952. С. 17. Опул.: Белая эмиграция в Китае и Монголии. Составление, научная редакция, предисловие и комментарии д.и.н. С.В. Волкова. М., 2005. С. 14.

¹⁴⁴ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 138. Л. 10.

¹⁴⁵ Материалы к военной биографии святителя Ионы Ханькоуского //Военная Быль (Москва). 1997. № 9 (138). С. 4

¹⁴⁶ губерниях — А.Г.

¹⁴⁷ Это подтверждается и более поздними воспоминаниями об окладе иконы, в котором сохранились углубления от камней — Чванов М. Указ. соч. С. 165. В то же время современники отмечали, что позднее в Маньчжурии отец Иона жил достаточно скромно и при этом собирал достаточно крупные суммы для поддержки русских беженцев — Луккомский А.С. Очерки из моей жизни //Вопросы истории. 2001. № 11-12. С. 86. — А.Г.

¹⁴⁸ Имеется в виду Щербаков Николай Петрович (24.12.1879-?) — Генерального штаба генерал-майор, атаман Семиреченского казачьего войска.

¹⁴⁹ РГВА. Ф. 110. Оп. 7. Д. 53. Л. 7-7об.

¹⁵⁰ Загорский А.[П.] К истории атамана А.И. Дутова //Оренбургский казак. Сб. Сан-Франциско, 1952. С. 18. Опул.: Белая эмиграция в Китае и Монголии. Составление, научная редакция, предисловие и комментарии д.и.н. С.В. Волкова. М., 2005. С. 16.

¹⁵¹ Цит. по: Арипов Р.А., Мильштейн Н.Я. Из истории органов госбезопасности Узбекистана (документальные очерки истории 1917-1930 гг.). Ташкент, 1967. С. 116; См. также несколько измененный текст этого разговора: Милованов Н. Касымхан Чанышев //Незримый фронт. 1917-1967. Алма-Ата, 1967. С. 51; Полноту отчет Чанышева опубликован в кн.: Марковчин В.В. Указ. соч. С. 118-123.

¹⁵² РГВА. Ф. 110. Оп. 7. Д. 53. Л. 7.

¹⁵³ ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 8. Л. 86об.

¹⁵⁴ ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 2. Л. 20.

¹⁵⁵ Ени. Смерть Атамана Дутова (По личным воспоминаниям офицера Личного Отряда Атамана) //Возрождение Азии (Тяньцзинь). 1935. № 695. 22.05. — ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 8. Л. 143об.-144об.

¹⁵⁶ Синдзянский. Как погиб Атаман Дутов (Записки конвойца) //Луч Азии (Харбин). 1936. № 20/4. Апрель. С. 9.

¹⁵⁷ Etherton P.T. In the heart of Asia. London, 1925. P. 197.

¹⁵⁸ ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

¹⁵⁹ Там же. Л. 5, 12.

¹⁶⁰ Там же. Л. 13.

¹⁶¹ Там же. Л. 25об.

¹⁶² Там же. Л. 34об.-37.

¹⁶³ Правильнее — шан-хой. Общество русский шан-хой (председатель — С.В. Дукович) было создано с военно-политическими целями в Кульдже в качестве преемника упраздненной консульской власти — А.Г.

¹⁶⁴ РГВА. Ф. 110. Оп. 7. Д. 53. Л. 7об.

¹⁶⁵ ГА РФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 277. Л. 54-55.

¹⁶⁶ Отряд ген[ерала] Дутова //Казачьи Думы. Общеказачий внепартийный орган (София). 1922. № 14. 13.04. С. 1-2.

¹⁶⁷ ГА РФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 277. Л. 20.

¹⁶⁸ Поздняев Д. Православие в Китае (1900-1997 гг.). М., 1998. С. 252-253.

¹⁶⁹ Т.е. аферист — А.Г.

¹⁷⁰ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 896. Л. 21.

¹⁷¹ Оренбургский казак. Сб. Харбин, 1937 (страница не нумерована).

¹⁷² РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 297. Л. 27.

¹⁷³ ГА РФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 277. Л. 17-18; РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 2. Л. 382.

¹⁷⁴ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 136. Л. 98, 106.

¹⁷⁵ Там же. Л. 94.

¹⁷⁶ Там же. Л. 93.

¹⁷⁷ РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 7. Л. 2об.

¹⁷⁸ ГАО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 136. Л. 97.

¹⁷⁹ Там же. Л. 107.

¹⁸⁰ ГАО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 140. Л. 152.

¹⁸¹ О.П. Защитник церкви Христовой. К 20-летию священнослужения Архиепископа Китайского и Пекинского Виктора //Луч Азии. 1941. Октябрь. № 86/10. С. 30.

¹⁸² Подробнее см.: Ганин А.В., Семенов В.Г. Указ. соч. С. 505.